

Мозей Лада

О ХИТРОЙ КУРЬЕЛЫСЕ

Иозеф Лада

84(3)
115

О ХИТРОЙ КУМЕЛЫСЕ

Сказка

429760

Калуга · 1992

ОБЛАСТНАЯ ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
г. СВЕРДЛОВСК

Текст печатается по изданию:
Йозеф Лада. О хитрой куме-лисе.— М.: Детгиз, 1960.

Перевод с чешского П. Клейнер

Оформление художника Вячеслава Черникова

Л 15 Йозеф Лада

О хитрой куме-лисе: Пер. с чеш. — Калуга: Золотая аллея, 1992. — 80 с.

Йозеф Лада (1887—1957) — известный чешский график, живописец, писатель. Автор многочисленных иллюстраций, карикатур, рисунков к мультфильмам.

Творчеству Лады присущи простота и ясность, близость к народному искусству, жизнерадостный юмор.

Повесть о хитрой куме-лисе — одна из самых веселых детских книг.
Для младшего школьного возраста.

© Художественное оформление,
«Золотая аллея», 1992.

ЛЕСНАЯ СТОРОЖКА „У ПЯТИ БУКОВ“

сторожка лесничего Вобинушки стоит в самой чаще леса — на небольшой полянке, что под горой Гомоли. Здесь и живет он со своей женой и детьми, Еником и Руженкой. Над домом возвышаются пять старых буков, и потому сторожка лесничего так и называется — «У пяти буков».

Хорошо жить в одиноком лесном домике!

Еник и Руженка ни за что в мире не поменялись бы с ребятами, живущими в деревне или в городе. Сами посудите. В лесу столько ягод, орехов и грибов. Летом, когда жарко, купайся сколько хочешь в лесном пруду Качаке, до которого от дома рукой подать. Зимой, когда пруд замерзает, вот вам и чудесный каток, а гора Гомоли будто специально сделана, чтобы съезжать с нее на салазках...

Лесничий очень любит Еника и Руженку и всякий раз, когда бывает в городе, не забывает купить им гостинец. А иногда он и из лесу приносит что-нибудь интересное. Однажды во время обхода он поймал маленькую шуструю лисичку.

— Вот, это вам,— сказал он Енику и Руженке.— Устройте для проказницы приличное жилье, чтобы ей у нас понравилось.

Дети решили, что лучше всего поместить лисичку в старой собачьей конуре — как-никак, она хоть дальняя, хоть рыжая, но

родственница Гектору и Султану, двум охотничьим псам, которые уже давно служат лесничему Вобинушке.

— Комедия с этой лисой! — ворчал Гектор. — Смотри-ка, Султан, ей отдают лучшую конуру. Смотри, смотри: конуру выстилают старым тряпьем, будто в ней будет жить какая-нибудь принцесса! Подумать только, мы в жару и в мороз должны нести службу — выслеживать в лесу зверя, а вернувшись домой, кланяться какой-то лесной твари!..

Конура получилась очень уютная, но лисичке она ничуть не понравилась. Может быть, потому, что к этой распрекрасной конуре ее привязали крепкой цепочкой. Лиса изо всех сил рвалась, металась и все старалась избавиться от кожаного ошейника, который лесничий надел на нее. Гектор и Султан злорадно скалились, глядя издали на свою новую соседку. А Еник и Руженка опасались, как бы ремешок не задушил лисичку. Но отец их успокоил:

— Не задушит, не бойтесь, ваша лиса скоро уgomонится. А когда поймет, что ей все равно не освободиться, то перестанет метаться и выть, а потом и вовсе привыкнет жить на привязи, как собака.

Лиса действительно скоро перестала рваться с цепи — бесполезно! — и начала понемножку обживать свой домик. Еник и Руженка старались скрасить ее заключение всевозможными лакомствами и лаской.

Гектор и Султан ревновали. Они пока не обижали лисичку, но лишь потому, что лесничий им это строго-настрога запретил. А охотничьи собаки — они понятливые: чуют, когда можно послушаться хозяйского приказа, а когда это опасно для шкуры.

Дети навещали лисичку каждую свободную минуту и подолгу с ней играли. Пленница вскоре к ним привыкла и всякий раз радостно вертела хвостом, заведя их издали.

Руженка очень любила читать книжки. Вот она и решила: «Если я люблю, значит, и лисичке это должно понравиться». И девочка стала каждый день читать лисе вслух свою новую книжку, которую получила в подарок на Новый год от деда-мороза. В книжке было много забавных сказок про разных зверей. Конечно, Руженка чаще всего читала своей рыжей приятельнице сказки про хитроумных лисичек, которые всегда одерживали верх над жадным волком, глупым медведем и даже над человеком.

Поначалу лиса, конечно, не понимала ни слова из того, что

рассказывала и читала ей Руженка, но слушала внимательно. Скоро она начала разбирать отдельные слова, а через некоторое время уже понимала все.

Ничего удивительного. Вы, конечно, знаете, что собаки, например, прекрасно понимают человека — очень хорошо разбираются, хвалят их или, наоборот, стыдят за какую-нибудь провинность. А лисицы — родственники собакам. Довольно близкие родственники, это всем известно. Кроме того, лиса, про которую мы рассказываем, даже среди лис отличалась необычайным умом и сообразительностью. Поэтому, слыша каждый день человеческую речь, она научилась ее понимать лучше всякой собаки. И чем дальше, тем с большим интересом вслушивалась лиса в Руженкино чтение. Особенное удовольствие доставляли ей истории о победах лисицы над всеми лесными жителями и даже над их повелителем — мудрым и благородным львом.

Наша лисичка решила учиться изо всех сил, чтобы как можно скорее стать такой же умной и хитрой, как сказочные лисы. Поэтому она прилежно выполняла все задания, которые получала от Еника и Руженки. А они обучали ее очень полезным вещам: поднимать с земли палку и другие предметы, укачивать куклу, стоять на задних лапах и даже ходить, опираясь на палку.

Когда лесничий увидел, что лиса совсем привыкла к своему новому жилью, он разрешил детям сначала водить ее на цепи, а потом и совсем отвязать. И лисичка, набегавшись по двору, по первому зову послушно возвращалась к своей конуре и разрешала надеть на себя ошейник.

Гектор и Султан наблюдали за всем этим с превеликой злобой. Конечно, они делали вид, будто их ничуть не интересуют успехи нашей лисы, но на самом деле оба пса завидовали.

— Просто смешно глядеть, — говорил Гектор, — с каким гордым видом эта лиса приносит палку! Мы это умели делать, когда еще были щенками, правда, Султан? Теперь мы позабыли все эти штуки, но ведь только потому, что занимаемся делами поважнее: совершаем обход, сторожим дом. И, уж конечно, мы не задаемся, не строим из себя важных господ. Вот увидишь, скоро она захочет командовать нами, как наши хозяева. Но заешь меня комары и мухи, если ей это удастся!

— Да! Немыслимо, чтобы какая-то паршивая лиса приказывала нам, будто хозяйка! — пробормотал Султан. — А если это случится, хвоста моего здесь не будет. Лучше пойду попрошайничать по дворам в деревне!

— Не хнычь раньше времени, Султан! Этого еще не случилось и, надеюсь, завтра тоже не случится. А мы с тобою пока... — И Гектор зашептал что-то на ухо Султану.

Султан кивнул головой, обе собаки выскочили из конур и с оглушительным лаем обежали раза три вокруг сторожки, словно гнали целую банду грабителей.

После этого они с победным видом вернулись во двор. Но когда, скосив глаза, они поглядели на лисичку, то очень рассердились: она не обратила ни малейшего внимания на все эти военные действия и преспокойно спала возле своей конуры. Даже не подумала заползти в конуру, когда псы подняли тревогу.

Гектор и Султан еще больше обиделись. А лиса, чувствуя, что они ее не любят, решила их проучить.

Я уже говорил, что лиса понимала человеческую речь, а вскоре она попробовала и произнести несколько слов. После прилежных трудов ей это удалось. Но, прежде чем удивить Еника и Руженку, она захотела попробовать свои силы на Гекторе и Султане.

Однажды, когда оба пса, утомившись после дневных трудов, только-только разлеглись в своих конурах, лиса тоже забралась в свое жилище и оттуда громко позвала:

— Гектор! Султан!

Услышав, что их зовут, псы пулей вылетели из своих будок и помчались к дверям сторожки. Но двери оказались закрытыми. Собаки долго осматривались по сторонам и все искали, кто же это их звал. Никого! Они не спеша возвратились к своим домикам, но, едва улеглись и задремали, лисичка крикнула еще громче, чем прежде:

— Гектор! Султан!

Собаки опять стремглав бросились к сторожке. Они еще внимательнее обыскали весь двор и долго не возвращались на место: боялись, как бы не наказали за то, что их приходится звать дважды.

— Кто-то издевается над нами,— тихо прорычал Гектор.

Он остановился у конуры проказницы и посмотрел на нее строго и подозрительно. Однако лиса притворилась, будто беспробудно спит вот уже целую неделю. Старый и опытный Гектор сразу почувствовал, что здесь дело нечисто, но он никак и подумать не мог, что лисица звала их человеческим голосом. Поэтому он только проворчал себе под нос и улегся вместе с Султаном возле своей будки, ожидая, не позовут ли их снова.

Но лисичка дважды хорошенько погоняла своих врагов и уже убедилась, что умеет произносить слова совсем как человек, и ей этого было достаточно. Однако с того дня она стала еще внимательнее слушать все, чему учила ее Руженка. Лису очень забавляло, когда девочка давала ей в лапку карандаш, а потом водила карандашом вместе с лапой по бумаге, показывая своей ученице,

как писать буквы. И что же? Лиса и это скоро освоила. Ведь ее не приходилось заставлять учиться; даже оставшись одна, когда «учительницу» родители звали домой, лиса, взяв в лапу острый прутик, чертила им на песке разные буквы. И, конечно, при таком усердии она вскоре уже умела написать свое имя: «Лисичка».

Обе собаки часто приходили к ее конуре посмотреть, чем это она занята. Но лиса всегда успевала замести хвостом песок, так что собаки ничего не могли понять и от этого злились еще пуще.

— Давай будем дразнить ее и изводить до тех пор, пока она сама не сбежит отсюда,— предложил Султан.

— Верно! — согласился Гектор. — Житья от нее не стало! Ведь это она нас тогда звала, помнишь? Руженка выучила ее болтать по-человечески, как какого-нибудь глупого скворца. И пусть бы она разговаривала сама с собой, но какое она имеет право звать нас, кричать на нас, как на бродяг! Но мы ей покажем, на что способны настоящие собаки! Султан, делай то же, что я...

Лисичка в это время спокойно грелась на солнышке. Но вдруг она увидел, что оба пса поднялись и направились к ней. Сперва она не придавала этому значения, но, когда Гектор и Султан со свирепым лаем кинулись на нее, она поневоле залезла в конуру и забилась в самый дальний угол. Конечно, она знала, что им запрещено ее обижать, но ведь такие хулиганы могли на минутку и позабыть о своем хорошем воспитании.

А собаки, напугав лису, преспокойно отправились восвояси, будто ничего не случилось.

И эту грубую шутку они повторяли каждый раз, как только лесничий уходил со двора. Вскоре жизнь в лесной сторожке стала для лисички просто невыносимой. Конечно, она могла пожаловаться на обидчиков, но считала это ниже своего достоинства.

«Ведь я мужественный лесной зверь,— говорила себе лиса,— а не какая-нибудь домашняя кошка. Мне стыдно хныкать и ябедничать. Лучше уйду отсюда. Насовсем! Еник и Руженка, конечно, поплачут, но ведь должны они понять, что мое место не в конуре, на привязи, а в лесу — там, где живут все отважные и хитроумные лисы... И, в конце концов, я всегда могу вернуться назад, если мне в лесу не понравится».

И лиса стала ждать удобного момента для бегства. Она не очень задумывалась о том, что, очутившись на свободе, должна будет сама позаботиться о пропитании. Ведь тем лисам, про которых читала Руженка, всегда все легко удавалось.

И вот момент настал.

Однажды Руженка плохо застегнула ошейник, и лиса почувствовала, что может освободиться без особых усилий. Так она и сделала, когда оба пса ушли с лесничим в лес. А потом молнией — через двор, под ворота и в лес!

Прощай, лесная сторожка «У пяти буков», будьте счастливы, Еник и Руженка! Здравствуй, свобода, золотая свобода!

В тот вечер дети лесничего долго плакали, пока не заснули. Напрасно отец, утешая их, обещал принести из лесу другую лисичку, умнее прежней.

— Не хочу другой! — говорил Еник.

— Не надо нам другой, пока наша где-то в лесу умирает с голоду! — плакала Руженка. — Ведь она совсем не умеет охотиться и к тому же привыкла есть только вареное и жареное. Где ты, моя золотая, моя милая?

И только Гектор и Султан ходили по двору с видом победителей. Они считали, что ловко избавились от лисицы, и собирались еще круче с ней разделаться, если бы она попалась им в лесу.

НОВЫЙ ДОМ

ник и Руженка еще не успели как следует оплатить потерю своей любимицы, а она, неблагодарная, уже нашла себе новый дом — отменную нору под старым, кривым дубом, что растет по дру- гую сторону горы Гомоли, в Доланском охотни- чьем округе.

На следующее утро она хорошенько об- следовала окрестности и осталась всем до- вольна. Неподалеку от ее дуба оказалась сто- рожка лесничего Бржезины, у которого был сынишка, очень по- хожий на Еника, — это тоже пришлось лисичке по душе: хотя она выискала себе новый дом подальше от прежнего, подальше от Гектора и Султана, но она уже привыкла к людям и скучала по Енику и Руженке. Однако она решила, что никогда больше не станет жить с людьми. Во-первых, в лесу привольнее, а во-вторых, всякая порядочная лиса должна сама добывать себе пропитание. Считая себя вполне взрослой и самостоятельной, она решила, что будет именовать себя не иначе, как кумой-лисой. Ведь так зо- вутся все сказочные лисицы. И, раз уж таково ее желание, мы тоже будем вежливо называть ее кумой.

Итак, все шло хорошо, пока наша кума-лиса не захотела есть. Вареного и жареного в лесу не найти, а промышлять дичь она не умела. Дня два она питалась разной мошкаррой, а потом совсем приуныла. К тому же все хитроумные лисьи уловки, про которые она слышалась от Руженки, смешались в ее голове, и теперь она не могла вспомнить ни одной...

Можете себе представить, как обрадовалась наша кума, когда однажды, подойдя к дому лесничего Доланского округа, она услышала через окно одну из тех сказок, что когда-то читала Руженка! Лесничий тоже забавлял своего маленького сына побасенками о лисицах, которые всегда ухитрялись отобрать у зверей и у людей самые лакомые куски.

«Уж теперь-то,— сказала себе кумушка,— у меня будет доволь самой лучшей еды. Отныне я буду слушать под этим окошком только одну сказку в день. Разобравшись во всем как следует, и на свежую память, я, конечно, смогу совершать такие же подвиги, как иные лисицы из сказок, а пожалуй, и перешеголяю их».

В первый день лесничий рассказывал сказку про лису и виноград. Как лиса, увидев в лесу красивые гроздья, попыталась их достать. Она и тянулась и прыгала, но ягоды висели слишком высоко. Тогда лиса, чтобы себя утешить, заявила:

«Паршивый виноград! Зеленый и кислый! Я бы могла его сорвать, но и попробовать его не хочется...»

Выслушав сказку, кума тихонько засмеялась:

«Лисица, про которую вы рассказываете, почтенный лесничий, была, конечно, не из самых умных. Виноград-то висел высоко, но это не значит, что его нельзя было достать. Сейчас продемонстрируем: ваш виноград тоже ведь охраняется от гусей и детей, но, если взять лестницу...»

Не медля ни минуты, лиса обежала двор, направляясь прямо к сараю. Здесь на нее залаяла собаки, но лиса знала, что они на привязи, и потому без всяких помех взяла маленькую лесенку и отнесла ее прямо в сад, к задней стене сторожки, которая вся была увита виноградом. Гордясь своей хитростью, она приставила лесенку, проворно по ней вскарабкалась и, глотая слюнки, потянулась за большой гроздью. Сорвала. Но, как только она раскусила первую ягодку, мордочка у нее скривилась, сморщилась, скорчилась...

— Проклятье! Ну и кислятина! Ягоды, и вправду, еще не созрели...

Отнеся лестницу на место, недовольная кума уныло поплелась в лес. Ей было стыдно, что в первый же раз она так просчиталась. Но, прежде чем уснуть в уютной своей норе, она сказала себе:

«Не будем слишком огорчаться. Я еще покажу всему свету, на что способна кума-лиса!»

Неудачливый Рыболов

а другой день наша кумушка опять подобралась к окну сторожки, чтобы подслушать какую-нибудь новую сказку. На этот раз лесничий рассказывал своему сынишке о лисе, перехитрившей простака возницу:

— «...Да, эта кума-лиса была продувной бестией! Однажды увидела она, что по дороге катит воз, груженный прекрасной свежей рыбой. От аппетитного запаха у лисы, конечно, слюнки потекли.

«Грош мне цена, если не отведаю я нынче рыбки!» — сказала рыжая самой себе.

Она забежала вперед, легла за поворотом, прямо на середину дороги, и прикинулась мертвой.

Возница, увидев ее, тут же остановил лошадь и слез с телеги.

«Эге! Кто-то подстрелил лисицу! — весело проговорил он. — Мехащик в городе дорого даст за такую отменную шкуру. Я был бы дураком, если б не подобрал ее».

Он бросил притворщицу в телегу и отправился дальше. Но, лишь только воз выехал на мощеную дорогу и загромыхал по камням, лиса «оживла» и стала потихоньку выбрасывать рыбу. Вслед за последней рыбиной она выскочила и сама, а когда воз скрылся, собрала всю добычу, отнесла в свою нору и съела, не торопясь и со вкусом».

Выслушав под окном эту сказку, наша знакомая сказала себе: «Да, это мне подходит. Надеюсь, на этот раз я буду удачливее».

Несколько дней она наблюдала за дорогой, ожидая, когда же по ней проедет повозка с рыбой.

И дождалась! Вдалеке показался большой фургон, груженный рыбой,— лиса сразу это поняла, потому что на его бортах были нарисованы самые разные рыбы. Кума быстро нацепила себе на хвост заранее припасенную ею табличку — «Цена 1000 крон» — и растянулась посреди дороги.

— Тпру! — радостно закричал возница, увидев лису.— Лиса!.. Эге, она стоит тысячу крон! Мне сегодня чертовски повезло!

Он бросил лисицу в свой фургон под брезент и поехал дальше. Лисица огляделась, потом приподнялась. Странно: запаха рыбы она не чувствовала. Однако фургон был полон рыбы — ошибки тут не могло быть: в нем были сложены круглые жестяные коробки и на каждой нарисована какая-нибудь рыба.

«Ага, они в пальто! — решила лисичка.— Но я их все равно выцарапаю».

Она схватила самую большую коробку и попыталась ее открыть. Но у коробки не оказалось ни ручки, ни крючка, ни дна, ни крышки, ни сучка, ни задоринки.

— Что за новые новости! — тихо возмущалась кума.— Ведь мне случилось открывать все — окна, двери, горшки, крынки, кладовые, курятники,— а эту проклятую штуковину открыть не могу! Но ведь как-то она открывается! Ни за что не поверю, что люди едят рыбу вместе с коробками...

Она кусала банку зубами, царапала ее когтями, но все безуспешно. Тогда в великой досаде она швырнула банку об пол фургона.

— Пропади все пропадом с такими изобретениями!

Банка покатилась, стукнулась о другие, и в фургоне поднялся такой грохот, что возница с испугом заглянул под брезент. Но лисы там уже не было. Только хвост ее мелькнул в придорожных кустах.

Скрывшись в густом лесу, кума принялась ругаться:

— Опять просчет, опять ошибка! Теперь мне просто стыдно будет показаться среди порядочных лисиц. А еще нацепила на хвост эту бумажку: «Цена 1000 крон», когда на самом деле грош мне цена!

Схватив табличку, она долго рвала ее на мельчайшие клочки и в конце концов немного успокоилась.

— Пусть мне больше не рассказывают сказки! — воскликнула она.— Да, все эти басни годятся только для Еника и детей

его возраста. А современная, образованная лисица должна понимать, что все эти басни насквозь лживые. И вообще никуда не годятся, потому что от сказки даже сверчок сыт не бывает. Надо действовать иначе. Лиса нашей эпохи должна идти в ногу с прогрессом, и жизнь свою ей следует устраивать с удобствами и комфортом, используя все новейшие достижения современной техники!

ПРИКЛЮЧЕНИЕ С ВОЛШЕБНЫМ СТОЛИКОМ

И

так, наша кума не намерена была жить дальше, как в сказке. Она решила добывать пропитание каким-нибудь новым способом. Но легко решить, нелегко выполнить. Потратив весь день в бесплодных раздумьях, лиса вечером опять поплелась к знакомому домику, чтобы опять послушать сказку.

Но в тот вечер лесник рассказывал не про лисиц, а про какого-то барашка, из ушей которого сыпались золотые дукаты, когда он отряхивался.

Лису эта сказка совсем не заинтересовала, и она уже хотела уйти, когда лесник начал рассказывать о волшебном столике:

— «...стоит только приказать этому столику: «Накройся!» — и тотчас на нем появляется множество самых отменных кушаний...»

Наша кума наострила уши.

— Вот бы нам такой столик! — мечтательно произнес сын лесничего.

Отец ответил:

— А у нас есть. Я получил его в подарок от бабушки, и вся наша семья очень долго ничего другого и не ела, кроме того, что появлялось на волшебном столике. Но все эти угощения были уж чересчур сладкие и в конце концов очень нам надоели. Так что

мы с радостью вернулись к нашим кнедникам, кашам и картофельным галушкам, чтобы не испортить желудок волшебной пищей. А столик спрятали подальше от соблазна в сарай. Он и теперь там валяется среди старой рухляди. Может, видел маленький столик, выкрашенный зеленой краской?..

Дальше кума слушать не стала. Глотая слюнки, она осторожно подобралась к сараю. Как раз в это время прислуга лесничего вошла туда, неся в руках что-то завернутое в масляную бумагу. Потом она вышла — уже без пакета — и не заперла за собой дверь.

— Все идет чудесно! — пробормотала лисица. И, едва прислуга вошла в дом, лиса вошла в сарай.

Через минуту она уже бежала по лесу, унося волшебный столик поглубже в чащу.

Столик был довольно тяжелый, но лиса, согнувшись до земли, упорно волокла его все дальше, пока не набрела на маленькую одинокую полянку, защищенную от посторонних глаз густым ельником.

Здесь она остановилась, чтобы испытать волшебные качества своей добычи. Минутку она внимательно осматривала столик, а потом, подгоняемая аппетитом, нетерпеливо крикнула:

— Столик, накройся!

Но столик будто не расслышал. Он и не подумал накрыться.

— Я кому говорю, накройся! — снова приказала лиса.

Но столик притворился, будто он уже спит, и не накрылся.

Кума тут вовсе рассердилась.

— Ты накроешься или нет, безобразник? — завопила она, схватилась за ручку ящика и стала изо всех сил трясти стол.

И тут столик накрылся. Точнее, столик открылся: ящик выдвинулся, и в нем мелькнул какой-то пакет, завернутый в масляную бумагу. Приятный запах тотчас ударил в лисьи ноздри.

Кума схватила пакет, с нетерпением его развернула и, увидев его содержимое, пустилась в радостный пляс. Неудивительно: перед голодной лисонькой лежали пять больших кусков ливерной колбасы, которую она еще ни разу не пробовала, но горячо полюбила за ее неотразимый запах.

— Ура! — возликовала лиса. — Ура! Ура! Ура! Наконец-то я обеспечена едой! Хватит тяжелых поисков добычи, довольно с меня опасных путешествий к жилью человека. Довольно ломать голову, искать способов, как провести других зверей, хватит кривляться перед глупым возницей. Конец трудностям и труду — теперь для меня наступила сладкая пора безделья. Отныне буду весь день валяться в норе, а когда проголодаюсь, прикажу столику накрыться. Ура! И еще раз ура!.. А теперь покушаем.

Лиса с превеликим аппетитом съела все пять кусков колбасы, а обертку заботливо спрятала — на память.

Потом, взвалив столик на спину, она отнесла его в свою нору. При этом она всю дорогу улыбалась и приплясывала. А при мысли, как будут ей завидовать другие лисицы, ей пришлось поставить столик на землю, вдоволь поохотать, попрыгать и лишь после этого идти дальше.

На другой день, едва проснувшись, наша кума окликнула пролетающую сороку и попросила ее навестить всех лисиц в округе и передать им ее, кумушкино, приглашение: пусть все они нынче вечером пожалуют к ее дому на большой дружеский пир. И еще — пусть весь день ничего не едят, чтобы оставить в животе побольше места для тех редких, чудесных лакомств, которые она, кума, приготовила для своих рыжих сестер и братьев.

Пока сорока облетала все лисьи норы, наша кума все обхаживала свой волшебный столик — то гладила его, то говорила ему что-нибудь приятное, чтобы у него до вечера не испортилось настроение. Ей сто раз хотелось, не дождавшись гостей, попробовать колбаски. Но она все-таки выдержала характер.

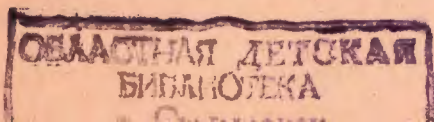
Сорока оказалась отличным зазывалой. Первые любопытные лисицы явились уже в полдень, а к трем часам полянка перед кривым дубом сплошь рыжела от лисиц. Здесь были лисы всех ростов и возрастов: и лисы-мамы с тремя, пятью и даже восемью лисинятами, и лисы-бабушки, и лисы-дедушки. Некоторые старые и уже немощные лисы прибыли верхом на своих молодых родственниках.

Можно сказать с уверенностью, что во всей округе в тот час нельзя было встретить ни одной лисицы — все собрались вокруг норы нашей кумушки и с нетерпением ожидали ее появления. Все они с утра ничего не ели, некоторые — следуя совету кумы, многие — поневоле, потому что просто не могли в тот день добыть себе пищу. Поэтому неудивительно, что в пять часов все сборище единогласно пожелало приступить к угощению.

Кума-лиса, увидев, что вряд ли еще кто-нибудь придет, вынесла столик. Среди собравшихся пробежал легкий шепот; лисицы, стоявшие сзади, вытягивали шеи, мамы брали на руки маленьких лисят, а молодые лисы подсаживали себе на спину стареньких бабушек и дедушек, чтобы всем было видно.

Кума-лиса взяла слово. Когда толпа умолкла, она начала торжественным голосом:

— Друзья! Собратья! Я созвала вас для того, чтобы вы разделили со мной мою удачу. На днях один знакомый волшебник за мою великую мудрость и за образцовый порядок в моей норе наградил меня вот этим столиком. Не думайте, пожалуйста, что

это какая-нибудь старая рухлядь. Нет, этот необычайный столик по моему приказу даст нам пакет с пятью кусками ливерной колбасы. А приказывать ему можно хоть миллион раз. И, поскольку сама я не лакомка, прошу вас, дорогие собратья, разделить со мною эти редкостные дары. Но прежде я хочу, чтобы вы осмотрели эту бумагу и веревочку — в бумагу колбаса была завернута, а веревочкой завязана. Теперь сами видите, я вас не обманываю.

И вот наступило долгожданное мгновение. Кума торжественно подошла к волшебному столику и подняла вверх правую лапку в знак того, что пир начинается. Собравшиеся затихли.

— Столик, накройся! — изрекла кумушка и с серьезным видом выдвинула ящик. Шеи всех присутствующих вытянулись до предела, глаза вытаращились до последней степени, ноздри раздулись до невозможности, чтобы вдохнуть аромат колбасы. Но...

Из пустого ящика вылетел комар...

Кума испугалась. Она поспешно задвинула ящик и крикнула очень грозно:

— Столик, накройся!

На этот раз в ящике не оказалось даже комара.

— Она издевается над нами! — заворчали гости.

От их злобных взглядов, от волнения у кумы задрожали ноги.

— Леший тебя возьми, накроешься ты или нет?! — раскричалась она и с такой силой рванула ящик, что опрокинулась на спину.

Но тут же вскочила, отшвырнула пустой ящик и пустилась наутек. Разъяренные гости помчались за хозяйкой.

— Вот так пир ты нам заката! — выли они. — Мы, голодные, сошлись из самых дальних уголков леса, и для чего? Чтобы полюбоваться объедками! Чтобы над нами так глупо подшутила эта безобразница, эта нахалка, эта хулиганка!..

...Да и не так еще ругали гости свою неудачливую хозяйку. Те лисы, что не побежали вдогонку за кумой, с бешенством набросились на столик и через минуту разнесли его в щепки.

А кума спаслась от преследователей лишь тем, что забралась на высокую сосну. Лисицы, как известно, на деревья лазить не умеют, но наша знакомая от страха даже не заметила, как вскарабкалась на самую верхушку. Разъяренные гости, разумеется, подняли шум и крик на весь лес — так что слышно было даже в сторожке лесничего.

Лесничий взял ружье, кликнул собак и побежал в лес. Но, увидев издали такое необычной скопление лисиц, он тут же вернулся за другими лесничими и охотниками. Всем вместе им

пришлось немало потрудиться, чтобы разогнать эту злобную свору. А кума прижалась к стволу сосны; к счастью, рыжая ее шерсть совсем слилась с красной сосновой корой, и охотники ничего на дереве не заметили.

Лиса просидела на ветке до ночи, и, лишь когда совсем затихли вдалеке голоса охотников и лисиц, она крадучись спустилась вниз и вернулась к своей разгромленной норе. Поразмыслив обо всех печальных событиях истекшего дня, она решила для себя вот что:

«Я совершила большую ошибку — по собственной глупости лишилась замечательной вещи. Несомненно, столик был волшебный, а я просто не умела с ним обращаться. Вероятно, надо было просить, а не требовать. Или, может быть, он подчинялся какому-то волшебному слову; я бы его наверняка узнала, если бы тогда не поспешила, а постояла под окном лесничего еще минутку и дослушала сказку до конца. Или столик рассердился на меня за хвастовство? А возможно, он притворился дурачком, который не понимает, что от него хотят! Ведь попробуй накорми столько голодных ртов — надорвешься! И он прав, совершенно прав! Этим грубиянам я не дала бы даже обертку от колбасы, даже веревочку — не стоят они того. Знаю, они теперь сделают из меня посмешище всего округа. Но так мне и надо: нечего было бросаться в сарай за столиком, не дослушав сказку до конца. Но я этот позор с себя смою! Еще не знаю как, но восстанавливаю свою репутацию самой славной лисы в лесу!»

Проклятый паффон

одкрывшись на другой день к знакомому домику, кумушка-лиса неожиданно услышала доносящиеся через окно голоса разных животных — домашних и лесных. Она сразу поняла, что это настоящие голоса настоящих зверей, а не какое-нибудь звукоподражание, которым иногда забавляются иные люди. Но вот что удивительно: как могло такое количество зверей уместиться в небольшой комнате лесничего? А если даже и уместилось, как терпит весь этот зоопарк хозяйка?

Но еще больше удивилась наша кума, когда, став на завалинку и заглянув в комнату, она не увидела там никого, кроме лесничего и его маленького сына Веноушека. Они сидели за столом возле небольшого раскрытого ящика и слушали голоса, которые вылетали из этого ящика.

«Неужели корова, — недоумевала лиса, — которую я сейчас слышу, засунута в такой крохотный ящик? Не иначе, потому она и мычит так жалобно».

А когда из ящика раздался голос оленя, лиса от удивления едва не свалилась с завалинки.

«Как могут поместиться олень и корова в таком тесном хлеву?» — спрашивала она себя. И тут же получила ответ, потому что этот самый вопрос задал папе и Веноушек.

Отец обстоятельно объяснял, мальчик и лиса внимательно слушали. Лесничий рассказал, что этот ящик, только что полу-

ченный по почте, называется патефоном, что никакие звери в нем не запрятаны, просто их голоса с помощью особого аппарата записаны вот на эти круглые черные пластинки. Патефон надо сначала завести — вот этой ручкой. Потом надо положить пластинку на этот круг — вот так. Потом вот это колесико с иглой — называется мембрана! — кладут на пластинку. А потом — видишь? — останавливают патефон, снова заводят и кладут новую пластинку... Лиса не проронила ни слова. Она осторожно подглядывала в окошко и к концу вечера уже знала не хуже Веноушека, как обращаться с патефоном. Она прослушала несколько пластинок, на которых были записаны голоса диких зверей и птиц, ржание лошади, мяуканье кошки, кукареканье петуха. Самое большое впечатление произвело на куму бляение козы, тоже записанное на пластинку.

Лиса готова была простоять под окном до утра, но Веноушеку пора было спать. Патефон замолчал, и кума тоже отправилась на покой в свою нору.

...За тем лесом, что рос вокруг горы Гомоли, начиналось поле, а между лесом и полем расположилась маленькая, неприметная деревушка Жабоносы. Наша кума часто приходила сюда, чтобы понаблюдать из-за кустов за жизнью людей, за их работой в поле, за играми детишек. Эта затерянная среди лесов деревушка нравилась лисе еще и тем, что люди здесь жили совсем как в старой сказке — многие не слыхивали радио или, например, патефона.

Про патефон наша кума вспомнила, когда ей случилось наблюдать за старой козой, что жила со своими козлятами в маленьком хлеву, стоявшем во дворе крайнего на селе дома. Уходя на пастбище, коза строго-настрого приказывала детишкам никому не открывать дверей:

— Играйте себе дома и не отпирайте дверь, пока не услышите мой голос, потому что к вам может ворваться вор, волк, лиса или другой какой-нибудь недруг...

Куму это очень насмешило:

«Какая старомодная козья мать! Неужели так трудно повесить на дверь замок покрепче и прорубить в стене окошко, чтобы неразумные козлята, выглянув в это окошко, сразу узнали, кто к ним стучится! Тогда старая коза паслась бы спокойно, не портя себе аппетита тревогою за своих козлят. И есть чего страшиться: помню, волк из сказки, которую читала мне Руженка, все время приходил к козьему домику и блял по-козьи: «Ваша мать пришла, молочка принесла». Помнится, ему даже удалось обмануть бедняжек, после того как кузнец подпилил ему язык, чтобы голос стал потоньше. Я бы, конечно, не стала делать такую операцию

из-за каких-то козлят, но ради смеха надо, пожалуй, попробовать заговорить козьим голосом. А когда козлята откроют, я им сделаю выговор: пусть будут внимательней и слушаются маму... Да, прямо сейчас подойду к хлеву и попробую... Хотя... Эх, как же я раньше не вспомнила! Вот будет потеха, если козлята услышат настоящее козлиное пение — из патефона! Для этого надо только одолжить на короткий срок у лесничего патефон. А потом, после всей этой комедии, верну его на место. Итак, скорее за патефоном!»

Как рыжая молния, метнулась лиса в березняк, потом через лес к домику лесничего. Окно было открыто, в комнате пусто. Недолго думая лиса стала на завалинку, потом на подоконник, и вот она уже в комнате. Патефон стоял на месте, а рядом лежала пластинка — та самая! Схватив патефон и пластинку, кума осторожно выбралась из комнаты и во весь дух помчалась к Жабоносам.

Почтенная козья мама все еще паслась на холме под дикой грушей, а козлята тихо играли в своем сарае. В деревне, на счастье, никого не было, все ушли в поле, и потому кума без помех установила на колоду возле хлева патефон, завела его, положила пластинку и поставила иглу. Диск завертелся, и лиса уселась рядом, пристально и с волнением глядя на дверь хлева. Ей было очень интересно узнать, как будут реагировать козлята, когда из ящика раздастся козий голос.

Но из ящика раздался выстрел. За ним другой. Потом оглушительный ружейный гром смешался с лаем собак, криками людей и тревожным сигналом трубы! Все эти устрашающие звуки летели вслед лисе, которая после первого же выстрела выскочила со двора, перемахнула через забор и теперь мчалась что было духу в кусты. Только в густом березняке она наконец остановилась, чтобы перевести дух и оглядеться. Ее никто не преследовал... Странное дело: во дворе возле сарая тоже не было заметно ни собак, ни охотников, ни лесничих — никакой погони. А между тем выстрелы, лай и звук трубы все еще доносились оттуда. Потом двор заполнился людьми, но это были крестьяне, вооруженные серпами, вилами, топорами и палками. Они сбегались на звук стрельбы. Лиса видела, как они опасливо обступили патефон. Раздались тревожные голоса:

— Это чертов ящик, соседи, не иначе! Хотя он и стреляет вслепую, но может попасть и в нас, кто его знает! А поэтому не лучше ли разбить его, пока он не наделал беды? Вавра, Бразда, Кроупа, Картош! Живей, ради бога! Он опять трубит наступление!..

У бедной кумы волосы встали дыбом, когда отважный Бар-

тош стал подкрадываться к взятому в долг патефону с поднятой косой. В это мгновение труба смолкла и вновь началась стрельба. Тут уж Бартош больше не сомневался и что было силы стукнул по ящику своей косой.

Впоследствии Бартош был признан своими односельчанами величайшим героем, потому что после первого же его удара стрельба прекратилась, проклятый ящик завизжал и умолк навеки. Тогда уже подросли и другие храбрецы и стали мужественно молотить чем попало поверженный на землю патефон. Потом, посоветовавшись, они решили, что для полной безопасности лучше утопить дьявольскую штуку, тогда она ни за что не воскреснет. Исполняя этот приговор, Вавра собрал на вилы все останки патефона и поспешно затрусил к пруду.

Когда чудовище погрузилось в воду и пустило пузыри, толпа жабоносцев — мужчины, женщины, дети — разразилась победными криками, которые перешли в ликующую песню, закончившуюся плясками вокруг пруда.

Что было дальше, кума не видела. Грустно скуля и оплакивая погибший патефон, она поплелась к своей норе. В тот день она нигде не находила себе места, взволнованно бродила взад-впе-

ред по своему жилищу, чувствуя за собой тяжкую провинность. При этом она поминутно хваталась за голову и восклицала:

— Горе мне! Что скажет лесничий, что скажет его жена, что скажет его сынок, когда увидят, что патефон исчез! Я-то думала взять его только на время, а потом вернуть в целости, а теперь от него одни щепки. Что же я наделала! Как я возмещу лесничему такой убыток? А возместить я должна во что бы то ни стало, иначе я не смогу жить в этих местах: совесть меня загрызет...

Несколько дней она не подходила к домику лесничего, но под конец так соскучилась, что решила хоть издали на него поглядеть. С наступлением темноты она стала осторожно подкрадываться к знакомому окошку, готовая удрать при малейшей опасности. Но тут она услышала патефон. Да, да, знакомый голос патефона!

Весь страх улетучился, и в несколько прыжков она была возле стены. Потом вскочила на завалинку и заглянула в окно. В комнате на столе стоял патефон. Но не тот, не прежний, а новый, гораздо больших размеров. Веноушек, должно быть, был очень доволен новым патефоном, потому что все время говорил

отцу:

— Как хорошо, что кто-то украл тот старый патефон, который нам дедушка подарил! Он так противно хрипел, скрипел и пищал, что его все равно надо было выбросить, да, папа? А зато теперь у нас новый! Жаль только, что пропала пластинка с козлиным голосом — она мне так нравилась!

— Не огорчайся,— успокоил сына лесничий,— есть и пластинка.

Он завел патефон, поставил пластинку. Раздался тот же самый козлиный голос. Веноушек запрыгал, захлопал в ладоши и сам заблеял, как козлик,— все это от радости.

Когда пластинка закончилась, лесничий перевернул ее на другую сторону и сказал:

— Так! А теперь поставим «Княжескую охоту»...

Кума навестила уши. И вдруг грянул выстрел, потом другой, третий. Она чуть не свалилась с завалинки, стараясь спрятать голову за ставней, чтобы спастись от пуль. Но тут послышался лай собак, ржание коней, крики охотников, потом тревожный сигнал трубы...

И тут ее осенило: ну конечно. Ведь точно так же стреляли, кричали и трубили возле козлиного хлева в Жабоносах. Значит, все это записано на пластинку: на одной стороне козий голос, а на другой — охота. А она-то, тупица, от страха чуть не умерла!

«Надо было мне догадаться, что это опять какое-то изобретение. Пора быть умнее».

В ту ночь лиса опять спала спокойно, со спокойной совестью. Утром, выйдя из норы и потягиваясь, она сказала самой себе:

«Очень это хорошо, что лесничий на меня не сердится. Теперь мне не нужно уходить из этих мест, лучше и удобнее которых не найти во всем лесу».

а другой день лиса с еще большим нетерпением ждала темноты, чтобы отправиться к дому лесничего. На этот раз лесничий рассказывал сказку о волшебном горшочке. Стоило сказать ему: «Варись, горшочек, варись», — и он тотчас наполнялся кашей. Сколько эту кашу ни ешь, все не убывает. «Кашей нас не прельстишь! — скривилась кума. — Невкусно, и непременно ею перемажешься. Так что горшочек, даже самый волшебный, нам ни к чему!»

Веноушек тоже не заинтересовался горшочком.

— Все равно лучше маминой каши не бывает! — сказал он решительно.

И отец замолчал, раздумывая, о чем бы еще рассказать. Тогда мальчик сказал:

— Сказки сказками, а ты, папа, лучше объясни мне вот что. Вчера мама сказала, что хорошо бы нам на ужин поесть ветчины. Ты ответил: «Ладно!» — но в город не ходил, не писал, никого туда не посылал и все-таки вечером достал откуда-то целый окорок. Как ты все это устроил, папа?

— Ну конечно, я же совсем забыл! — воскликнул отец. — Сейчас расскажу. У нас в канцелярии установили телефон. Это замечательнейшая штука. Завтра я тебя научу, как с ним обращаться. Это совсем нетрудно: поднимаешь трубку, прикладываешь ее к уху и ждешь, когда раздастся голос: «Алло, город

Ногавицы слушает!» Тогда ты называешь номер телефона того человека, с которым хочешь разговаривать. Например, пятьдесят четыре. Это номер нашего колбасника Шпейлика. Через секунду тебя с ним соединяют, и ты начинаешь: «Алло! Здравствуйте, пан Шпейлик. Говорит лесничий Бржезина. Как ваши дела? Хорошо? Иначе и быть не может, если такой человек, как вы, занимается такой торговлей, как ваша. Да, благодарю. У нас тоже все хорошо. Вот только захотелось, знаете ли, колбаски или ветчинки. Да, пошлите, пожалуйста, целый окорок. Да, да, самый лучший, разумеется. Не стоит вам гонять лошадь в нашу глушь — можете оставить товар в дупле большого дерева, что у поворота дороги, а во время обхода я заберу окорок. Деньги занесу в воскресенье, когда буду в городе. Всего доброго, пан Шпейлик. До свиданья...»

Кума-лиса слушала, и усы ее топорщились от волнения. Потом, вернувшись в свою нору, она рассудила так:

«Значит, я могу легко заполучить целый окорок. Для этого надо подкараулить тот момент, когда лесничий снова сделает заказ в городе, и поспеть к дереву с дуплом раньше его. Но это значит, полакомиться мне удастся не завтра и не послезавтра. Придется ждать, пока они съедят свой окорок и захотят другой... Но ведь я и сама могу сделать заказ по телефону, я знаю, как это делается. Выжду момент, когда лесничий уйдет из канцелярии... окно всегда открыто!»

На другое утро, когда лесничий запер канцелярию и ушел в обход, лиса проворно вскочила в комнату и — к телефону.

— Город Ногавицы слушает!

— Будьте любезны, дайте номер пятьдесят четыре...

— Алло! Колбасник Антонин Шпейлик слушает!

— Здравствуйте, пан Шпейлик. Говорит лесничий Бржезина, узнаете? Как ваши дела? Хорошо? Иначе и быть не может, если такой человек, как вы, занимается такой торговлей, как ваша...

— А у вас, надеюсь, тоже все хорошо?

— Да, благодарю. Прекрасный окорок вы нам прислали вчера. Пришлите, пожалуйста, еще один. Да, самый лучший, разумеется... Да, да, можете оставить там же, в дупле. Деньги занесу в воскресенье. До свиданья.

Повесив трубку на рычаг, кума проворно выскочила из канцелярии. Никаких дел у нее больше не было, и она прямо отправилась к дереву с дуплом и залегла в кустах. На этот раз она дождалась. Часов в десять по дороге прогремела тележка и остановилась возле дерева. С тележки соскочил продавец из колбасной лавки, огляделся по сторонам и что-то сунул в дупло.

Кума в своем укрытии так и затряслась от волнения. Лишь только тележка отъехала, она бросилась к дуплу и вытащила оттуда большой сверток. Потом она сломя голову помчалась к своей норе.

Милые вы мои! Помните, как ликовала лиса, когда нашла в столике ливерную колбасу?

А теперь можете себе представить, как она прыгала и скакала, обнаружив в пакете огромный благоухающий окорок! Если она не сошла с ума от радости, то лишь потому, что, подскочив слишком высоко, она крепко стукнулась головой о потолок своей норы и это ее отрезвило. Настолько, что она наконец смогла приняться за еду. Замечу, кстати, что, поглощая с превеликим аппетитом редкостное лакомство, она превозносила до небес все современные изобретения и особенно замечательный ящик с крючком, на котором висит волшебная палочка с двумя кругляшками по концам — благословенный телефон!

СМЕЛОЕ И ШЕВМО. КУМА-ЛИСА ЗАКЛЮЧАЕТ ПАРИ

ума-лиса была разумной хозяйкой. Другие, необразованные лисицы, конечно, съели бы весь окорок за один присест, но наша лиса решила растянуть удовольствие на несколько дней. Таким образом, у нее появились продовольственные запасы, и теперь она отправилась к домику лесничего не за советом, не по делу, а просто так, из любопытства: очень ей интересно было послушать, что говорят люди о ее лихой проделке.

И действительно: лесничий рассказывал сыну, что какой-то мошенник, воспользовавшись их телефоном, от имени лесничего Бржезины заказал у колбасника окорок, причем велел положить его на то же место — в дупло дуба. За такой обман сажают в тюрьму, и негодяй, конечно, не уйдет от наказания, потому что колбасник уже сообщил в полицию.

Дальше кума слушать не стала. Испуганная до полусмерти, она бросилась прочь от окошка, чтобы спрятаться в своей укромной норе. Здесь она немного успокоилась, взвесила все как следует и рассудила так:

«Да, я своровала. Своровала окорок. Но скажите, пожалуйста, что мне остается делать, если все басни и сказки восхваляют хитрых и вороватых лисичек, которые только и живут хитростью и обманом. Или мне теперь доказывать всему свету, что сказки — ложь, что лисы не охотятся, что они питаются корой и листьями? А может быть, прикажете жить, как все лисы: ловить в лесу куропаток и зайцев? Но ведь это тоже воровство, разбой, бандитизм. Нет, дорогие мои! Что за радость словить глупого зайца, когда я способна потягаться умом и ловкостью с людьми, которые уж слишком зазнались, считая себя владыками над всем животным царством. Вот увидите, почтеннейший пан лесничий, завтра же я опять закажу себе окорок по телефону!»

Это было смелое решение. Может быть, чересчур смелое. Но кума и вправду на другое утро подкралась к лесничеству и, удостоверившись, что в канцелярии никого нет, снова влезла в окно, сняла трубку телефона и вызвала лавку колбасника Шпейлика. Басом, как и в первый раз, она поговорила с колбасником, заказав у него окорок, и попросила доставить его на то же место.

Она подчеркнула, что на этот раз заказ делает не какой-нибудь проходимец, а лесничий Бржезина собственноручно.

Кума вылезла в окно и преспокойно направилась к своей норе, вовсе не подозревая, что лесничий Бржезина следил за нею сквозь замочную скважину. Едва лиса скрылась, он тотчас позвонил Шпейлику и отменил лисий заказ:

— Нет, я ничего не просил... Нет, нет, это не я звонил вам минуту назад, а одна лиса из моего округа... Да, обыкновенная лиса... Да, да, с хвостом. Думаю, завтра вы все поймете, если вместо окорока положите в дупло капкан и какую-нибудь сосиску для приманки...

На другой день лиса явилась к дубу раньше назначенного срока — так случилось, что у нее не было никаких дел в то утро. Но, к великому своему удивлению, часов в десять утра она услышала стук повозки. В ней восседал колбасник собственной персоной. С противоположной стороны послышались шаги, и к дубу подошел лесничий. Он поздоровался с колбасником, пошептался с ним, потом они сунули что-то в дупло и разошлись.

Лиса как следует потянула носом, и ветер донес до нее вместе с ароматом колбасы еще и запах железа. Кума презрительно рассмеялась, подбежала к дубу, левым глазком заглянула в дупло, еще немножко посмеялась и побежала домой.

Было похоже, что кума опять что-то задумала. И правда, придя домой, она взяла карандаш, подаренный ей еще Руженкой, расправила бумагу, в которую был завернут окорок, и что-то на

этой бумаге написала. Потом она стрелой помчалась к дереву у поворота дороги. Оглядевшись, лиса осторожно опустила записку в дупло, а потом расположилась как можно удобнее в кустарнике, что растет на пригорке справа от дороги. Безмятежно подремывая в своем укрытии, она стала поджидать лесничего и колбасника. И они явились за добычей ровно в полдень.

Очень жаль, доложу я вам, дорогие дети, что не довелось вам полюбоваться на вытянутые лица двух неудачливых ловцов, когда они вместо лисы обнаружили весьма нахальную записку на клочке оберточной бумаги. Вот что было сказано в этой записке:

«Милейший пан колбасник!

Так-то добросовестно выполняете вы пожелания своих постоянных заказчиков! Я же вам человеческим языком сказала, что хочу окорок, а вы привезли какую-то позавчерашнюю сосиску. Но, если вы такой необязательный, не стану больше затруднять вас доставкой заказов на дом: я сама явлюсь к вам в субботу утром. Извольте приготовить самый свежий товар, я сама выберу, что мне по вкусу.

С почтением

Кума-лиса, проживающая недалеко от кривого дуба, в Доланском охотничьем округе»

Можете себе представить, как рассердился колбасник Шпейлик, прочитав это послание!

— Ну, знаете, пан лесник, эта ваша лиса просто нахальная плутовка! — закричал он. — Миллион комаров ей в ухо, пусть только придет в субботу! Я приготовлю ей такую встречу, что домой она уже не вернется, два миллиона шмелей на ее голову!..

К великому удивлению лисы, лесничий не разделял гнева колбасника. Он ответил даже с некоторой гордостью:

— Не знаю, не знаю, пан Шпейлик, не проведет ли нас плутовка опять. Ведь эта лиса, что живет у кривого дуба, хитрее всех лисиц из сказок и басен. Ни в одном охотничьем округе Чехии вы не сыщете подобной пройдохи. Готов держать пари, что она опять оставит нас в дураках.

— Пари принято! — крикнул колбасник и изо всех сил ударил по рукам с лесничим.

После этого они разошлись. Лиса тоже покинула свое укры-
тие и потихоньку отправилась домой. При этом она коварно
улыбалась себе в усы.

Опасная экспедиция в Ноговицы

пятницу кума с утра долго рылась в своей кладовке, где у нее хранилось множество самых различных вещей, найденных в лесу, на дороге и в покинутых на зиму лагерях. Наконец она нашла старые женские башмаки, юбку и вязаную кофту. Надев все это, повязав голову платочком, чтобы уши не торчали, и взяв в лапы суковатую палку, она с наступлением темноты отправилась в

Ноговицы. На разведку!

Необходимо было изучить окрестности и подступы к колбасной лавке, чтобы выработать безошибочный план субботней операции.

Кума уже решила, что придет за окороком не переодетой, а в своем настоящем лисьем виде. Поэтому она с большим удовлетворением ознакомилась с вывеской, прибитой на одном из окраинных домов:

В черте города выпускать
собак без намордника
воспрещается!!!

Никто из прохожих не обратил внимания на маленькую сгорбленную старушку, которая бродила по площади и улицам

вокруг лавки колбасника Шпейлика. Бабушка осматривала все закоулки и подворотни и что-то ворчала себе под нос — видимо, была довольна. Дойдя до Козьей улицы, она остановилась возле меховой лавки пана Езевца и долго стояла напротив. Потом обошла лавку вокруг и тут увидела во дворе развешанные на деревянной перекладине лисьи шкурки. Тогда-то случившийся рядом пан дворник с удивлением увидел, что дряхлая старушка сперва уставилась на шкурки, потом хлопнула себя по лбу, будто ей пришла в голову бог весть какая удачная мысль, и пустилась в буйный пляс. Причем скакала она так прытко и резво, что и молодая позавидовала бы. Однако, увидев, что за нею наблюдают, бабушка очень смутилась, юркнула за угол и пропала.

Да, план экспедиции был готов! Вернувшись домой, лиса плотно поужинала и легла спать пораньше. Утром она отправилась в Ногавицы.

Кума понимала, что затеяла опасное, очень опасное дело. Но она была полна решимости отомстить колбаснику, доказать свою храбрость, дать леснику возможность выиграть сто крон и раздобыть себе вкусной еды на целую неделю.

Поднявшись на пригорок, с которого Ногавицы были видны как на ладони, лиса с минуту наблюдала за городом. Все было спокойно. На улицах людей было даже меньше, чем обычно, — именно это обстоятельство и заставило куму насторожиться. Она поняла, что множество мужчин, женщин, детей, вооруженных ружьями, скалками и чем попало, прячутся по дворам и ждут только, когда Шпейлик подаст знак начинать травлю. Ружья лиса не боялась: она отлично знала, что в городе стрелять запрещено — это угрожает безопасности прохожих.

Немного передохнув, кума-лиса решительно вошла в город. Закоулками ей удалось добраться незамеченной до сада Шпейлика. Здесь она перепрыгнула через забор, пересекла сад и выскочила на площадь. Подобно молнии, она метнулась прямо в открытые двери колбасной, где собралось человек десять вооруженных мужчин. Они были готовы к ее приходу, и все же появление лисы всех застало врасплох, так что она успела схватить лежавший на прилавке кусок сала и выскочить из магазина.

Вопль Шпейлика разнесся над городом:

— Черт побери! Это она! Вперед! За мной! Сегодня же

пошлю леснику Бржезине ее паршивую рыжую шкуру и получу сто крон. Вперед, я кому говорю!..

Окаменевшие от изумления охотники пришли в себя и бросились вон из лавки. На зов колбасника люди сбегались со всех сторон, не давая лисе улизнуть с площади. Она металась между орущими преследователями и, казалось, совсем растерялась от страха. А между тем она только и ждала, чтобы на площади собралось побольше народу, потому что чем гуще была толпа, тем больше преследователи мешали один другому. Пинки и тумакисы падали со всех сторон, и ни один удар не пропал даром: кому-нибудь непременно достался. Только, разумеется, не лисе. А лиса, увидев, что весь город сбежался на площадь, проворно метнулась на Шоколадную улицу, а оттуда — на Дровяную.

Увидев, куда ускользнула лиса, Шпейлик повернул погоню вслед за ней. Но Шоколадная улица в Ногавицах — очень узкая, и толпа совсем ее запрудила. Преследователи падали носом в пыль и путались друг у друга под ногами, так что лиса успела благополучно миновать Дровяную улицу и свернуть на Козью. Здесь она устремилась к лавке Езевца и вбежала во двор. Как раз в тот момент, когда толпа огибала угол, кума подпрыгнула и крепко ухватила зубами за деревянную перекладину, на которой сушилось несколько лисьих шкурок.

Преследователи, не обнаружив кумы на Козьей улице, решили, что она уже свернула на Собачью, и бросились туда, не обратив, разумеется, никакого внимания на лисьи шкуры, развешанные, как обычно, во дворе пана Езевца. Только Шпейлик погрозил им на бегу кулаком и крикнул:

— Скоро еще одна рыжая хулиганка повиснет на этой перекладине!

Едва толпа свернула на Собачью улицу, которая вела в открытое поле, наша кума разжала пасть и мягко упала на землю. Потом, не теряя времени, она побежала обратно по Дровяной, потом по Шоколадной улице, потом через безлюдную площадь — прямо в колбасную пана Шпейлика. Она прыгнула на прилавок, где были разложены чудеснейшие ароматные колбасы. Недолго думая она выбрала две самые длинные и направилась к выходу. Но у дверей она задержалась перед черной грифельной доской, на которой Шпейлик, как и все лавочники, записывал, кто и сколько ему должен за товар, отпущенный в кредит. Кума схватила мелок и вывела на доске следующее:

Почтенный пан Шпейлик!

Сообщаю, что взяла две колбасы. Когда поедете

отдавать пану Бржезине выигранные им сто крон, можете заодно положить счет на эти колбасы в дупло известного вам дерева возле поворота дороги.

С уважением

*Лиса, живущая неподалеку от кри-
вого дуба.*

По дороге домой она несколько раз принималась плясать и скакать от радости, а услышав издали знакомый вопль: «Миллион комаров, два миллиона шмелей, куда же делась эта воровка!» — кума вынуждена была положить свою ношу на траву, взяться за бока и высмеяться как следует. Только после этого она продолжала свой путь и вскоре добралась до норы.

Между тем преследователи, убедившись, что лису им уже не поймать, возвратились восвояси. Все были злы, и только Шпейлик нашел себе утешение.

— Пусть я не поймал эту рыжую разбойницу, — ворчал колбасник в усы, — но зато и пари я не проиграл. Ведь она не успела стянуть ни колбасу, ни окорок...

Вы не можете себе представить, дорогие читатели, как испортилось у него настроение, когда, вернувшись в лавку, он не досчитался двух самых больших колбас.

— Пять миллионов комаров и шмелей ей в шапку! — заорал он на всю площадь. — Неужели она все-таки побывала здесь?!

А прочитав послание, нацарапанное на грифельной доске, он пришел в еще большую ярость.

— Двух колбас и сотни крон как не бывало! — горестно взвыл колбасник и хотел даже снова пуститься в погоню за воровкой.

Еле-еле его убедили, что это совершенно бесполезно.

...На следующий вечер, едва стало смеркаться, лиса опять подкралась к дому лесничего. Ей не терпелось послушать, что будут рассказывать о ее победе в Ногавицах.

Кума явилась как раз вовремя. Лесник едва успел переступить порог, а сын уже засыпал его вопросами о последней проделке лисы. Мальчик все удивлялся:

— Как же ей это удалось, интересно знать?

Пожинав, лесник раскурил трубку и начал свой рассказ:

— Так вот, дорогие мои, вчера и сегодня в Ногавицах творится такое, чего уже лет сто не бывало — с тех самых пор, как туда приезжал сам пан король! Крики, толки, пересуды! Все

только и говорят про лису из моего округа, про то, как ловко она провела нашего смышленного колбасника, а заодно с ним и всех жителей города, которые всем скопом гонялись за ней по улицам и не смогли поймать. Половина города восхищается ловкостью лисицы, другая половина ругается: мол, эта лиса сделала Ногавицы посмешищем для всего мира. А злее всех ругается, конечно, пан Шпейлик. Неудивительно — он потерял две колбасы, сто крон, которые мне проспорил, и к тому же всю свою славу хитрого и осторожного торговца; ему теперь стыдно на люди показаться. О его злоключениях, мои золотые, и о подвиге лисы сегодня передавали по местному радио и уже напечатали в ногавицкой газете. Одно непонятно: как удалось этой хитрюге скрыться от погони? Она будто сквозь землю провалилась, но притом непонятно, когда и каким образом успела она не только стянуть две колбасы, но и написать на доске в лавке целое послание Шпейлику. Событие просто невероятно, и, расскажи я обо всем этом на съезде лесничих, мне никто не поверит. Да, что ни говори, молодчина эта лисица, которая живет возле кривого дуба! Не зря я на нее понадеялся и заключил пари. Не подвела! Вот они, сто крон, которые нам заработала наша лиса!

Выслушав все это, лиса тихонько засмеялась от удовольствия. Она была счастлива, что все ее проказы сходят с рук и что лесник ею так доволен.

Клад на Шоссе

пусть несколько дней после описанных событий куме-лисе случилось переходить через шоссе недалеко от известного нам дерева с дуплом. Тут ее внимание привлек тончайший запах не то колбасы, не то окорока. Кума решила заглянуть в дупло на всякий случай: а вдруг Шпейлик опять положил туда что-нибудь вкусненькое. Но, не пройдя и нескольких шагов, она замерла как вкопанная. Посреди дороги лежала какая-то подозрительная штука и изо всех сил пахла копченостями. Лиса приблизилась с величайшей осторожностью — ведь это могла быть ловушка! Впрочем, запаха железа лиса не чувствовала; вещь, кажется, была сшита из мягкой кожи. Все же кума сперва потыкала в странный предмет палкой, перевернула его и лишь потом взяла в лапы.

Нет, это была не ловушка. Но и есть это было нельзя! На дороге валялась сумка с деньгами. Лиса сразу вспомнила, что именно такие голубые и зеленые бумажки лесничий вынул из кармана, когда недавно показывал своей семье сто крон, которые она, лиса, ему заработала.

«И, должно быть, их здесь немало, этих так называемых денег,— решила лиса.— Пожалуй, не стоит бросать их на дороге. Отнесу домой. А вдруг пригодятся когда-нибудь».

Когда кума вечером опять подкралась к окошку лесника, она поначалу не услышала ничего интересного. Лесник распра-

шивал сына, как он провел денек, во что играл. Но вот в соседней комнате зазвонил телефон, отец вышел и вскоре возвратился, чем-то озабоченный.

— Подумать только,— сказал он,— как не везет нашему Шпейлику!.. Да, это он звонил. Сегодня утром, проезжая через наш лес, он потерял кожаную сумку, в которой было десять тысяч крон. Он вез их в сберегательную кассу и обронил где-то по дороге. Просил сообщить, если кто-нибудь из лесников или охотников найдет деньги. Он уже сообщил в управление пражского радио, чтобы дали объявление о пропаже.

— О деньгах объявлять по радио? — удивился Веноушек.— А зачем?

— Чтобы все знали, кому отдать деньги, если они найдутся.

— А пан Шпейлик даст за это сардельку или кусок колбасы, да?

Охотник засмеялся:

— Нет, мой мальчик, одной колбаской тут не отделаешься. За такую находку вознаграждение должно быть тысяча крон, не меньше. А за тысячу крон честный человек сможет купить себе десяток самых лучших окороков...

Дальше кума-лиса больше не слушала. Она помчалась домой самой короткой дорогой. Схватив кожаную сумку, она перенесла ее из кладовки в свою парадную гостиную. Здесь среди ярких тряпочек, зеркалец, блестящих стекляшек и прочих безделушек, которые дачники каждый год теряют в лесу, она разыскала старые очки и тут же нацепила их себе на нос. Так она поступала всегда, когда ей предстояло сделать какое-нибудь важное дело или съесть что-нибудь вкусное: однажды она надела очки перед завтраком, и ей показалось, что это не завтрак, а целый обед — ведь очки все увеличивают. К тому же эта пара стеклышек явно прибавляла солидности; кума много раз видела, как старший бухгалтер, утверждая лесникам счет за дрова, непременно надевал очки.

Итак, кума раскрыла кожаную сумку. От голубых и зеленых бумажек определенно пахло колбасой. Но значит ли это, что они принадлежат колбаснику? Может быть, все деньги так пахнут?

Но сомнения рассеялись, когда на самом дне сумки она увидела маленькую твердую карточку с надписью:

АНТОНИН ШПЕЙЛИК, колбасник
г. Ногавицы, № 54

Запрятав сумку в самое безопасное место, лиса уселась поудобнее и стала думать.

«Ну, вот что! — сказала она себе наконец. — То, что Шпейлик поплатился двумя колбасами, меня ничуть не огорчает: я их честно выиграла, а он их честно проиграл. Но мне немножко совестно, что тот первый окорок достался мне не совсем по праву; к тому же я замешала в это дело лесничего Бржезину — назвалась его именем, воспользовалась его телефоном. Но теперь — ха-ха! — теперь я возьму пану Шпейлику все убытки. Расквитаясь с ним, отдам ему все десять тысяч крон... Конечно, я сначала подразню его. Самую малость...»

На другой день с утра кума направилась к дому лесничего. Выждав, когда хозяин ушел в обход, она вскочила через окно в канцелярию — и к телефону.

— Город Ногавицы? Будьте любезны, соедините с номером пятьдесят четыре... Пан Шпейлик? Мое почтение! С вами говорит кума-лиса. Да, да, ваша старинная знакомая. Хочу вам сообщить, что колбаса была превосходная. Теперь я с чистой совестью могу рекомендовать вашу лавку всем моим друзьям и сородичам... Но, но, пан Шпейлик, не ругаться! Верно, я еще не заплатила за первый окорок, но это вовсе не дает вам права называть меня воровкой. Ведь вы не прислали счета... Что, что? Вы говорите, что я за все поплачусь? Конечно, расплачусь, пан Шпейлик. У меня теперь денег — что у дерева листьев. Как раз вчера я нашла на дороге черную сумку, полную голубых и зеленых бумажек... Что с вами, пан Шпейлик? Вам дурно? Вы смеетесь или плачете?... Куда я дела сумку? Отнесла к себе домой, разумеется... Успокойтесь, пан колбасник. Деньги я вам верну, они меня совершенно не интересуют... Нет, от вознаграждения я не отказываюсь — не смею вас обидеть... Что? Пять больших окороков? По одному через день? Этого вполне достаточно... За деньгами можете приехать когда угодно. Сейчас? Пожалуйста! Я положу их на то же место, в дупло. Да, туда же положите товар. Жду вас. Мое почтение!

Кума повесила трубку и поспешила домой, а оттуда с сумкой — к знакомому дереву. Вложив сумку в дупло, она залегла в своем обычном укрытии.

Не прошло и четверти часа, как примчалась повозка. Пан Шпейлик выскочил прямо на ходу и затрусил к дереву. Увидев свою сумку, он сказал только одно слово:

— Ух!

А убедившись, что все деньги на месте, он добавил:

— Уф!..

Потом вернулся к телеге и вынул оттуда нечто завернутое в промасленную бумагу. Увидев, как колбасник сует это нечто в дупло, лиса ухмыльнулась в усы: она уже чувствовала несравненный аромат копченого мяса.

К Куме-Лисе Приходит слава

тот день кума еле дождалась вечера. Ей не терпелось поскорее узнать, что говорят в городе о ее честном поступке. И действительно, вечером в доме лесника только и разговору было, что о последнем подвиге лисы из Доланского округа. Едва вернувшись из обхода, лесник Бржезина созвал всю свою семью и стал рассказывать:

— Ну, дорогие мои, теперь слушайте и удивляйтесь! Пану Шпейлику вернули его десять тысяч! Впрочем, об этом вы уже слышали по центральному радио. И самое удивительное не в этом. Слава богу, не перевелись еще на свете честные люди, которые всегда вернут законному владельцу любую находку. На то они и люди, самые сознательные существа. Но ведь денежки нашего колбасника подобрал не человек, а зверь! И у этого зверя хватило честности и благородства вернуть деньги хозяину. А кто бы, вы думали, оказался этим зверем? Не кто иной, как наша кумушка-лиса. Та самая, что живет возле кривого дуба. Давно известно, что она хитра и умна, но все-таки — как она сразу узнала, что деньги принадлежат Шпейлику? Звонила она, вне всякого сомнения, из нашей канцелярии, как и в тот раз, когда, сославшись на меня, выманила у Шпейлика свиной окорок. Тогда я на нее за это очень рассер-

дился, а сейчас и не думаю, даже горжусь тем, что такая хитрая лиса живет в моем округе, и мне только обидно, что я до сих пор не знаком с нею лично. Видел только раз, да и то через замочную скважину. В Ногавицах тоже все сменили гнев на милость. Помните, с какой злобой ее травили в прошлую субботу? А теперь ее готовы принять с распростертыми объятиями. Интересно, что будет завтра говорить о нашей лисе пражское радио? Как хорошо, что мы уже купили новый, приличный приемник. Теперь сможем послушать новости все вместе, не то что прежде, когда слушал кто-нибудь один через наушники.

— Кстати, куда делись старые наушники? — спросил Веноушек.

— Я отнес их в сарай. Может, когда-нибудь еще пригодятся.

— А почему новый приемник говорит гораздо громче, чем прежний? Какая между ними разница? — пожелал узнать Веноушек.

Отец с удовольствием стал разъяснять устройство радио. Сын внимательно слушал, но еще внимательнее слушала лиса под окном. Она уже замыслила новое дело. Когда лесничий, разъяснив все про наушники, перешел к ламповым приемникам, лиса сказала себе:

«Это для меня пока лишнее. Пока мне вполне хватит наушников. Попользуюсь ими денек-другой, а потом положу на место».

Кума подкралась к сараю, который, как всегда, не был заперт. (Все-таки странно, что хозяева так вот беспечно оставляют столько добра. Вспомнить хотя бы трагически погибший волшебный столик!..)

Лиса прежде ни разу не видела радиоприемника. Но по описанию она узнала наушники. Схватила их вместе с ящичком, к которому они были прикреплены, и пустилась бегом домой. Ей не терпелось поскорее послушать, как ее будет превозносить пражское радио.

Не удивляйтесь, дети: собаки бывают счастливы, когда их похвалят, вы тоже, да и я, пожалуй; вот и лисе хотелось услышать, как ее назовут самой хитрой, но честной, самой проказливой, но благородной лисой в мире и на свете!

Придя домой, кума, дрожа от волнения, стала настраивать радио.

Ящик она поставила на плоский камень, служивший ей столом, повертела все ручки, приладила наушники.

Вот только она не знала, что делать с длиннющей проволокой, торчавшей из ящика. У кумы хватило ума не отрывать и не выбрасывать эту проволоку: «Раз ее сюда привязали, значит нуж-

но! Хотя и непонятно зачем...»

В конце концов кума вытянула проволоку за свободный конец из норы и закинула его повыше на дерево, чтобы не мешала! Потом вернулась в нору и надела наушники.

Сначала она ничего не слышала, и, как ни вертела, какой стороной ни прикладывала черные кружочки к ушам, они упорно молчали.

«Испорчены!» — огорчилась лиса.

Но тут она задела лапой какую-то круглую кнопку на ящике, и наушники ожили! Сначала раздался треск, потом тихая музыка. Кума покрутила ручки, мелодия зазвучала так отчетливо, будто оркестр играл у нее в норе.

«Эта музыка в мою честь,— блаженно улыbnулась кума.— Когда славят какого-нибудь героя, всегда сперва играет музыка, а потом начинаются речи, здравицы. Жаль, что я не принарядилась для такого случая».

Музыка смолкла, кума наострила уши, и действительно, радио заговорило о ней:

— Внимание, внимание! Как мы уже сообщали, пан Антонин Шпейлик, колбасник из Ногавиц, дом номер пятьдесят четыре, утеряти кожаниу сумку, в которой было десять тысяч крон. Мы воззвали к совести и чести того, кто найдет деньги, и наш призыв услышан. Сегодня утром вся сумма полностью была возвращена законному владельцу. Это событие со всей ясностью демонстрирует, во-первых, значение нашего радио и, во-вторых, подтверждает тот факт, что есть еще честные люди на свете! Хотя следует оговориться, что в данном случае речь идет не о человеческой честности, поскольку деньги были найдены и возвращены не человеком, а лисицей. Мы уже сообщали в одной из предыдущих передач о редком случае лисьей хитрости и разума: никому прежде не известная лиса из Доланского лесничества собственноручным письмом известила колбасника пана Шпейлика, что такого-то числа, в такое-то время лично явится в его лавку и заберет лучший окорок. И, хотя весь город принял участие в охране лавки, лисе, неизвестно каким образом, удалось в нее проникнуть и похитить две большие колбасы. А вчера эта же самая лиса сообщила Шпейлику, что готова за самое скромное вознаграждение — несколько окороков — вернуть ему найденные ею деньги. Обнаружив в указанном месте потерянную им сумку, пан Шпейлик тут же любезно известил об этом нас, а мы с удовольствием сообщаем нашим уважаемым радиослушателям об этом новом примере лисьего ума, а также беспримерной честности. Кроме того, судя по всему, лиса из Доланского округа,

несомненно, принадлежит к числу наших постоянных радиослушателей, иначе, вероятно, она не смогла бы узнать о потере денег. Можно предположить, что интеллект упомянутой лисы развился именно под воздействием наших передач,— это опять-таки подтверждает их важность и пользу для слушателей...

Диктор умолк, и снова послышалась веселая музыка.

Кума не знала, куда себя девать от распившей ее гордости. Теперь о ней услышал весь мир, и многие лисы — да что лисы! — люди ей завидуют.

Кума почувствовала, что ей необходимо высказаться: пусть никто не думает, что слава досталась ей легко, без труда.

Она схватила один из наушников и завопила в него изо всех сил, чтобы перекричать музыку (по ее мнению, радиоаппарат должен был позаботиться о том, чтобы разнести ее речь по всему миру).

— Не думайте, пожалуйста,— кричала она,— что прославиться очень просто! Сидя в норе или дома на печке, ничего героического не совершишь. Надо без боязни пуститься в странствования, не избегая опасностей, не обходя препятствий. Однако нужна также и осторожность. Если бы не трезвый расчет, я бы живой не выбралась из Ногавиц, я бы сейчас висела выпотрошенная среди лисьих шкур во дворе меховщика пана Езевца и никто обо мне по радио и слова бы не сказал. Но это — лишь к слову. Горячо благодарю за все великие торжества в мою честь. Свидетельствую всем мое почтение. До свидания. Всего хорошего. Спокойной ночи...

Потом лиса натянула наушники и стала опять слушать музыку. А потом уснула, вконец утомленная столь многочисленными событиями дня.

Спала она без просыпу. А на рассвете ее разбудили шум, крик, музыка. И все это буквально над ухом. Не помня себя от страха, лиса кинулась вот из собственной норы, но вовремя сообразила:

«Дура я, дура я! Чего испугалась? Ведь я вчера заснула, не сняв наушников...»

В тот вечер лиса опять подслушивала под окном лесничего и опять слышала о себе много лестного.

— Представьте себе, мои дорогие,— восторженно рассказывал лесник,— во всех газетах сегодня статья о нашей лисе. О ней передавали и по центральному радио. Сам пан Димиан Галапартна, старший лесничий, звонил мне и говорил, как он счастлив, что знаменитая лиса проживает во вверенном ему лесу. Старшие лесничие со всей страны шлют ему поздравления. Он мне строго-настрого приказал ничем не обижать эту лису

и предупредить всех охотников, чтобы они ее не преследовали. Впрочем, мне и в голову не пришло бы чем-нибудь ее стеснить — ведь она живет себе спокойно, других зверей не задевает и питается только окороками от пана Шпейлика. Я и сам горжусь ею, и все лесники завидуют, что она живет в моем округе. Между прочим, пан старший лесничий в шутку заметил, что эта умница лиса как нельзя лучше подошла бы на место лесника в освободившуюся сторожку на «Малиновом холме». Никак не можем найти подходящего человека для того участка.

В тот вечер, вернувшись домой, кума долго смотрела на себя в осколок зеркала.

— И вправду, до чего же замечательная лисица! — приговаривала она. — Стать лесничим — это ей вполне по силам. Она переехала бы из норы в прекрасную сторожку — чистую, светлую, просторную. А с каким вкусом она, эта хитроумная лиса, обставила бы свой новый дом! Уж я ее знаю, она тут же приобрела бы патефон и столамповый приемник, который кричит на всю округу. На что ей барахло, которое только шепчет на ухо? И пан старший лесничий наверняка разрешил бы ей поставить в сторожку телефон, чтобы беседовать с ним и с другими лесниками...

Кума-лиса размечталась вовсю:

— А подумать только, что сказал бы лесник из сторожки «У пяти буков», когда бы встретил меня в таком же, как у него, костюме, в шляпе с пером, с охотничьим псом у ноги и с ружьем через плечо! А как порадовались бы мои старые друзья Еничек и Руженка, как взвыли бы мои старые враги псы Гектор и Султан!.. А почему бы, черт возьми, мне и вправду не сделаться лесничим? Разве это так уж невозможно? Свободное место есть, и я, конечно, умнее и достойнее всех, кто претендует на эту должность. Нужно только как следует постараться. Пожалуй, я должна сама предложить пану главному лесничему свои услуги, ведь он не знает, что я заинтересована в такой работе. И, разумеется, мне это дело удастся, как удавались до сих пор и более рискованные дела. Впрочем, сначала надо устроить самой себе проверку: пригодна ли я для исполнения обязанностей лесничего? Справлюсь ли? Сделаю это завтра же...

От этих волнительных мыслей кума никак не могла уснуть. Наконец она встала с постели и принялась скакать, прыгать, резвиться, как будто ее уже назначили лесником; она это делала, специально чтобы устать как следует, чтобы заснуть покрепче, а отдохнув, приступить наутро к выполнению задуманного плана.

Экзамен на лесничего

а другой день, сразу после завтрака, лиса принялась разбирать свою кладовку. Она рылась долго и наконец среди всякой всячины нашла то, что ей было нужно: старую порывшую, но все еще зеленую шляпу, потрепанные, но еще крепкие брюки и башмаки, старый охотничий подсумок. Одевшись и оглядев себя в зеркальце, кума рассмеялась — такой она показалась себе забав-

ной. Сущее пугало, да еще рыжее.

— Разумеется, мне сразу дадут новое обмундирование, как только назначат лесником, — бурчала лиса себе в усы. — А пока и так сойдет. Теперь пойду в лес, и горе тому, кого я застану портящим деревья, вверенные заботам старшего лесничего Димиана Галапартны!

Лиса вылезла из норы, сломила себе суковатую палку и направилась напрямик к сосновому бору, куда чаще всего заходили ребятишки и дачники в поисках грибов и ягод. Не прошло и десяти минут, как она заметила мальчишку и девчонку, собиравших малину. Усы самозванного лесника встопорщились от злости. Кума расшумелась и раскричалась точь-в-точь как все лесники:

— Тьфу! Опять вы здесь! Пропади вы пропадом! Провалиться вам вон на том самом месте! Кто позволил вам, разбойни-

кам, пугать зверей, ломать кусты, портить лес? Марш из леса или...

Дальше дети слушать не стали. После первых же громовых проклятий они побросали кувшины и корзинки и сломя голову бросились вон из леса: лиса гнала их до самого шоссе, где они остановились, чтобы перевести дух.

Кума наблюдала за ними с самодовольной усмешкой: это хорошо, что ее боятся!

Но, разглядев получше испуганные и грустные лица ребят, лиса вдруг почувствовала жалость. Она крикнула:

— Эгей, ребятишки! Можете возвращаться в лес. Собирайте сколько угодно грибов и ягод, только, пожалуйста, не ломайте кусты.

Лиса быстро зашагала прочь, чтобы детишки пришли в себя. При этом она размышляла так:

«Хорошо, что ребята испугались. Это значит — они приняли меня за настоящего лесника. Я правильно сделала, что позволила им собирать ягоды: никакого вреда лесу это не принесет. Но горе взрослым бездельникам, которые шумят и безобразничают в лесу!»

Кума надвинула на лоб шляпу и надела очки, чтобы выглядеть еще строже. Усы ее грозно торчали, глаза горели от служебного рвения.

Вдруг она остановилась и замерла, уши ее под шляпой насторожились. Неподалеку слышались чьи-то шаги и беззаботное посвистывание.

«Не охотник и не обходчик! — решила лиса. — Эти не стали бы шуметь в лесу. Ну погоди, хулиган, я тебя научу, как следует себя вести!»

Свист слышался все громче, незванный гость приближался. Лиса крепче сжала свою палку, и тут, раздвинув кусты, появился человек очень маленького роста, но толстый, как бочонок. На нем были желтые башмаки с крагами, коричневый костюм и зеленая шляпа с кисточкой из оленьей шерсти вместо пера.

«Какой-то пузатый дармоед!» — решила лиса, и, прежде чем толстяк заметил ее, она закричала громовым голосом:

— Разве здесь тебе дорога, безобразник? Что ты здесь забыл? Марш отсюда, пока цел! Или я тебя сейчас вытяну палкой вдоль спины!

— Я же Димиан Галапартна, главный лесничий! — представился толстяк дрожащим голосом.

— Хо! Ты еще имеешь наглость выдавать себя за пана

Галапартну? Изволишь шуточки шутить с лесником! А ну, чтобы глаза мои тебя не видели, не то застрелю!

Кума, с палкой наперевес, бросилась на толстяка. А тот, увидев злые глаза, сердитые усы и какое-то оружие — не то огнестрельное, не то колющее,— не пускаясь в дальнейшие объяснения, бросился бежать насколько ног хватало. Он продирался сквозь кусты, цеплялся за ветки деревьев, спотыкался о коряги, а кума едва не наступала ему на пятки, размахивала палкой у него над головой и при этом не переставала браниться:

— Вот погоди, разбойник, я тебе сейчас всыплю дрови в штаны и под кожу! Видно, немало ты, пузырь, настрелял в лесу зайцев, фазанов и куропаток, если наел такое брюхо. Не смей, толстый чурбан, бежать по траве, ты ее всю повытопчешь!..

Наконец толстяк выскочил из леса на шоссе и здесь остановился. Лиса его больше не преследовала и, крикнув ему вслед еще несколько строгих наставлений, удалилась.

Толстяк сел на придорожный камень и, тяжело дыша, долго отирал пот со лба. Передохнув немного, он поднялся и побрел, огибая лес, к Доланской сторожке. Здесь он, конечно, был встречен с большей любезностью, чем в лесу. Хозяйка со всех ног бросилась на кухню, чтобы сготовить что-нибудь для пана старшего лесничего, хозяина леса, а лесник Бржезина отпраповал ему:

— Во вверенном мне округе все в порядке!

— Что и говорить, порядок наипрекраснейший! — вскричал пан Галапартна с еще не остывшим гневом.— И персонал у вас отменный. Как раз несколько минут назад один из ваших подчиненных выгнал меня из леса; хотя я и представился ему как старший лесничий Галапартна. Он орал на меня, будто на бродягу, бранил, как мальчишку, и гнал так, что у меня чуть душа с телом не рассталась. Если б не мои проворные ноги, он бы меня просто застрелил. Но я его запомнил: маленький, в старой зеленой шляпе со сломанным пером, в очках. И рыжие усы торчком.

— Но это совершенно немыслимо, пан Галапартна! — защищался лесник Бржезина.— Описанный вами человек не из нашего персонала. Сейчас со мной работает только младший лесник Доубек, но он высокого роста, не носит ни очков, ни усов и к тому же сию минуту был здесь, разговаривал со мной.

— Тем более! — воскликнул пан Галапартна.— Если это не лесник и не охотник, нечего ему делать в лесу. Немедленно идите в сосновый бор и расследуйте, кто посмел хозяйничать в моем лесу. О господи! О боже! Ведь от такой встречи я мог

просто помереть!.. Накажите этого бандита построже. Оштрафуйте его. Идите.

Тем временем кума-лиса уже залегла в своей норе. Она отдыхала после экзамена, который, как ей казалось, вполне выдержала.

«Эх, если бы пан старший лесничий видел, как я гнала из леса этого толстяка,— думала лиса,— мне было бы уже обеспечено место лесника на «Малиновом холме». Но ничего, завтра же напишу заявление, в котором, конечно же, не премину сообщить, что имею практику в лесном деле».

КАК СТАРИШНИЙ ЛЕСНИЧНИЙ ПАМ Д. ГАЛАПАРТНА ЧУТЬ НЕ ДОПЫЛАЕТ СМЪХА

а другой день кума-лиса разыскала в своем складе лист оберточной бумаги почище, старательно его разгладила и долго размышляла, сидя над ним с огрызком карандаша в лапе. Она понимала, что писать заявление надо весьма осмотрительно, чтобы не доставить неприятностей своему покровителю — леснику Бржезине. Наконец она склонилась над старым пнем, своим письменным столом, и принялась строчить нижеследующее:

**СТАРШЕМУ ЛЕСНИЧЕМУ, ДОПОДЛИННОМУ
ХОЗЯИНУ НАШЕГО ЛЕСА, ПАНУ ДИМИАНУ
ГАЛАПАРТНЕ, ПРОЖИВАЮЩЕМУ В
РАСПРЕКРАСНОЙ ЗОЛОТОЙ СТОРОЖКЕ В
КОЗОРАДАХ НАД БРЕЧАВОЙ, КУМА-ЛИСА,
ПРОЖИВАЮЩАЯ ВОЗЛЕ КРИВОГО ДУБА,
СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ СВОЕ ПОЧТЕНИЕ.**

Доброе утро!

Вам вроде бы очень нужен, до зарезу необходим, люди дня не могут прожить без того, чтобы между

собой не поболтать, не помолоть языком, не поговорить, попросту сказать. Так вот, случилось мне прослышать в одном из таких разговоров, что Вам вроде бы очень нужен, до зарезу необходим, как барану соль, новый лесник в сторожку на «Малиновом холме». Слышала я также, что на это место претендовали многие, но никто, конечно же, не подошел, потому что ни у кого не было ни малейшей практики, ни так называемого опыта. А меня, осмелюсь полагать, Вы сразу возьмете лесником, потому что я имею громадную практику. Не далее как вчера мне случилось выгнать из вверенного Вам леса одного расфуфыренного пузыря. Этакое чучело гороховое в желтых голенищах и с пучком оленьего волоса на шляпе! Он еще свистел в лесу — представляете себе! — будто это не лес, а какое-нибудь пастбище. И вообще, нечего делать в лесу таким толстякам: всю траву вытопчут. Но я на него сразу очень энергично гавкнула, так что он стремглав выкатился из Вашего леса, едва поспевая за собственными ногами. Потом я еще гнала его рысью до самого шоссе, чтоб ему, пузатому разбойнику, нахальному коротышке, и в голову не пришло вернуться в вверенный Вам лес.

Ввиду всего вышеизложенного я имею смелость предложить Вам свои услуги в качестве лесничего. Обещаю служить верно и добросовестно.

Довожу до Вашего сведения, что проживаю в Доланском округе. Полагаю, Вы знаете обо мне, как о самой честной лисице на свете: ведь я вернула пану колбаснику Шпейлику из Ногавиц целый мешок денег. Думаю, этой рекомендации Вам достаточно.

Весьма буду Вам признательна, когда Вы свой любезный ответ с предложением места лесника положите в дупло старого дерева у поворота дороги.

Со всевозможным почтением

Кума-лиса.

Адрес: Лес, Доланское лесничество, нора неподалеку от кривого дуба.

Кума несколько раз перечитала свое заявление, признала, что оно написано блестяще, и вложила его в конверт, который также оказался среди ее запасов. Перечеркнув адрес, который был уже написан на конверте, лиса написала новый:

*Лично в руки пана Димиана
Галапартны, проживающего в
Золотой сторожке в Козорадах
над Бречавой.*

Поскольку старый конверт нельзя было заклеить, она перевязала его черным шнурком от ботинок и на этот шнурок прицепила еще записочку:

Почтеннейший пан лесник Бржезина!

*Убедительно прошу передать мое письмо лично
старшему лесничему уважаемому пану Д. Галапартне.*

Потом кума отнесла письмо и записку к Доланской сторожке. Улучив минуту, она положила конверт на подоконник и сверху придавила камешком, чтобы его ветром не сдуло. Затем вернулась домой и стала ждать воскресенья.

Лесничий Бржезина, притворяя на ночь окно, был очень удивлен, когда обнаружил на подоконнике старый, грязный конверт, перевязанный шнурком от ботинка. Он решил, что это, должно быть, прошение какого-нибудь лесоруба из дальнего округа, и на другое утро отвез конверт в Козорады. Бржезина отказался оставить конверт в лесной канцелярии или передать через секретаря: раз сказано «лично в руки», раз неизвестный человек доверил это дело ему, Бржезине, значит он, Бржезина, постарается исполнить все по писаному. Он дождался, когда старший лесничий освободился от дел, и тогда вручил послание.

Пан Димиан с удивлением повертел в руках замаранный конверт, потом развязал шнурок и стал читать письмо. Лесник Бржезина, напряженно за ним наблюдавший, увидел, что брови начальника поползли вверх, глаза выпучились, нос сморщился, уши задвигались, рот разинулся во всю ширь...

Пан Галапартна разразился таким хохотом, что вынужден был плюхнуться в кресло и обеими руками схватиться за свой объемистый живот, чтобы он не лопнул от такого смеха. Лесник Бржезина ждал долго и терпеливо. Старший лесничий, едва успокоившись, вновь начинал смеяться. Но вот он наконец нахохотался досыта, вытер слезы и весело проговорил:

— Вы, наверное, и понятия не имеете, милый пан Бржезина, от кого это письмо. Ха-ха-ха! Ох-ох-ох! Я чуть не умер от смеха. Сейчас все вам объясню. Только сначала должен извиниться перед вами: не далее как вчера я сделал вам выговор за то, что вы-де воспитали скверный персонал, который не в состоянии поддерживать порядок в лесу. Но я тогда не знал, кто меня выгнал из леса. А это оказывается... Ха-ха-ха! Ох, не могу! Ой, сейчас лопну! Уф! Ведь это была лиса! Та самая! Не верите? Вот почитайте. Ха-ха-ха! «Расфуфыренный пузырь в желтых голени-

щах» — это я и есть! Но какая же она молодчина! Примите к сведению, что я твердо намерен принять ее на службу и предоставить ей сторожку на «Малиновом холме». Не глядите на меня так. Я уверен, она наилучшим образом справится со всеми своими обязанностями. Я сейчас же отдам приказ о зачислении ее в штат; извещение об этом будет своевременно отослано в дупло старого дерева у поворота дороги. И еще: буду вам очень признателен, если вы согласитесь принять ее у себя в воскресенье после обеда. Как ее будущий непосредственный начальник вы должны с ней познакомиться. Я тоже зайду к вам, с вашего позволения. Уверен, что вы сработаетесь с этим новым сотрудником и обеспечите ему все необходимые условия для нормальной жизни и успешной службы. А сейчас не задерживаю вас больше, пан Бржезина. До свиданья, до воскресенья...

Лесник Бржезина вышел из кабинета, не помня себя от удивления. Но еще большее удивление, изумление, волнение вызвал приказ старшего лесничего в главной лесной канцелярии. Пан первый заместитель старшего лесничего чуть не упал со стула, прочитав предписание о назначении на вакантное место младшего лесника некой кумы-лисы, проживающей у кривого дуба. Чиновники лесного ведомства потом долго перешептывались, и каждый стучал пальцем по лбу, явно имея в виду не собственный лоб, а лоб пана старшего лесничего, в котором-де что-то не в порядке. Однако авторитет старого начальника был так велик, что возражать никто не решился.

В воскресенье утром курьер лесного управления с большим пакетом в руке направился к повороту шоссе недалеко от Доланского лесничества. Разыскав здесь старое дерево, курьер осторожно вложил письмо в дупло и торжественно удалился.

ЖИЗНЬ на „Малиновом Холме“

е успел посыльный скрыться за поворотом, кума, которая уже с рассвета поджидала его, выскочила из своего укрытия,хватила конверт из дупла и помчалась домой.

Трясущимися лапами она вскрыла конверт и вынула исписанный лист бумаги. Пробежав глазами первую фразу, она от радости так подскочила, что едва не пробила головой потолок своей норы; все вещи, развешенные по стенам, попадали на пол, и всё, что могло, разбилось. Но кума не обратила на это ни малейшего внимания. Какое значение имели теперь осколки зеркала и треснутые бутылки, хотя они и блестящие. Кума уже знала, что в скором времени переедет из своего земляного жилища в удобную, сухую сторожку, обставленную порядочной мебелью.

В письме черным по белому было написано:

Доводим до Вашего сведения, что в соответствии с Вашим заявлением и согласно распоряжению старшего лесничего пана Д. Галапартны Вы зачислены на должность младшего лесника на участок «Малиновый холм», с предоставлением в Ваше пользование сторожки, и т. д. и т. п.

Эти слова лиса перечитывала бесконечно — до того часа, когда ей уже пора было идти в Доланское лесничество представляться будущему начальству. И вот она стала готовиться к столь важному визиту. Прежде всего кума старательно умылась, почистилась, нацепила очки и надела тот самый костюм, в котором так удачно выдержала экзамен. Когда тень от высокой сосны подошла на три с половиной шага к ее норе, лиса уже знала, что сейчас половина третьего по человеческому времени. С бьющимся сердцем она направилась к Доланской сторожке.

А тем временем пан старший лесничий уже сидел на лавочке перед домом лесника Бржезины, с аппетитом поглощал густые сливки из расписного кувшина, поданного хозяйкой, и с нетерпением поглядывал на дорогу. Он был в превосходном расположении духа и говорил только о лисе: подобной, конечно, не сыщешь ни в одном лесу, ни в одном лесничестве, ни в одном зоопарке.

И вот ровно в три часа, как раз в ту секунду, когда пан Галапартна посмотрел на часы, перед ним предстала кума-лиса.

Едва увидев лису, пан старший лесник, а с ним вместе и лесник Бржезина и его жена весело рассмеялись: так потешно была кума одета. Лиса сконфузилась, но по другой причине: она вдруг узнала в толстяке, который, несомненно, и был старшим лесничим, того самого человека, которого так грубо выгнала из лесу. От испуга у кумы затряслись ноги, она уже хотела убежать в лес, но пан Галапартна поднялся, очень любезно взял ее за лапу и проговорил:

— Приятно познакомиться. Все, что я о вас слышал, сильно разожгло мое любопытство. Рад, что вы поступаете к нам на службу. Можете приступить к исполнению обязанностей хоть сейчас. Я уже отдал распоряжение привести в порядок вашу сторожку и отделать ее по вашему вкусу. Со всеми вопросами обращайтесь к лесничему, пану Бржезине. Но прежде всего, я полагаю, вам необходимо приодеться. А костюм, который сейчас на вас, вы поскорее снимите и возвратите тому огородному чучелу, у которого вы его одолжили. Вы должны выглядеть как настоящий лесничий. Кроме мундира, вы, разумеется, получите какое-нибудь маленькое ружье. Есть у вас какие-нибудь вопросы или пожелания?

— Прежде всего я бы хотела,— начала лиса, заикаясь от волнения,— чтобы вы меня великодушно извинили за то, что я так хамски выгнала вас из вашего же леса...

— За это, пан лесничий Лисица, я на вас не в обиде,— со смехом прервал пан старший лесничий.— Я, по крайней мере,

лично удостоверился в вашем рвении при исполнении службы. Поэтому-то я без колебания назначил вас лесником. Надеюсь, вы и впредь будете такой же бдительной и строгой.

— Обещаю нести мою службу честно, — торжественно заявила кума. Потом она обратилась к старшему лесничему со следующей просьбой: — Нельзя ли, с вашего позволения, не выгонять из леса мальчишек и девчонок, которые так любят собирать грибы и ягоды? А также стареньких бабушек, что приходят набрать охапку хвороста. Лёсу от этого не убудет, а уж я позабочусь, чтобы никто не нарушал правил. И еще одна просьба: я бы не хотела носить с собою настоящее ружье, из которого можно кого-нибудь застрелить или перепугать насмерть. Думается, мне будет вполне достаточно иметь при себе приличную бузинную хлопушку.

На все это пан старший лесничий кивал головой в знак согласия. Он пригласил почтенную куму-лису присесть и рассказать поподробнее о своей юности, о своей жизни. Пан Галапартна был приятно удивлен, узнав, что она воспитывалась у лесничего Вобинушки. А когда лиса в своем повествовании дошла до того памятного дня, когда решила устроить сама себе экзамен на лесничего, старший лесник стал так смеяться, что задрожали листья на деревьях.

Потом пан Галапартна распрощался со всеми и уехал. Едва отгромычала его коляска, из школы вернулся Веноушек. Увидев лису, с независимым видом восседавшую на скамье возле его дома, он чуть не упал от удивления. А можете себе представить, что было с мальчиком, когда отец представил ему лису и та заговорила человеческим голосом!

С той минуты он уже не мог глаз оторвать от новой знакомой и держал ее все время за лапку, даже когда хозяйка пригласила всех к столу. Но не только мальчик — лесничий и его жена также были поражены достойным и культурным поведением лисы и ее человеческим выговором, без малейшего звериного акцента. Все они наперебой расспрашивали лису, как она жила у Вобинушки, как потом убежала и жила в лесу, как победила пана Шпейлика и рассорилась с ним и как они потом дружески посчитались.

Было уже поздно, когда лиса окончила свой рассказ. Разумеется, ее не отпустили домой, в какую-то там нору: ей, как леснику, это не подобало. Лесничий Бржезина распорядился постелить куме в комнате сына — таким он проникся доверием к этому бывшему дикому зверю.

На другой день лесничий представил куму своим двум псам — Броку и Дунаю; он начал было им втолковывать, чтобы

они как следует запомнили нового служащего и не обидели его невзначай, повстречав в лесу. Но кума сама взялась объяснить собакам что к чему. Сначала она прочла им вслух приказ старшего лесничего, причем перевела его слово в слово с человеческого языка на собачий. А уж потом представилась: мол, речь идет именно о ней, куме-лисе. Собаки слушали со вниманием и почтением, однако посматривали подозрительно на одежду нового лесника, явно снятую с огородного пугала. Бржезина заметил это и тут же послал за портным, который оказался отменным мастером и сшил ей очень приличный костюм в самый кратчайший срок. Веноушек выделил куме пару своих башмаков, а у лесоруба заказали хлопушку из бузины.

Ремонтные работы в сторожке на «Малиновом холме» шли полным ходом, а пока лиса гостила у лесничего Бржезины. Веноушек так полюбил лису, что и слышать не хотел о том, чтобы с нею расстаться. Однако, когда сторожка была приведена в полный порядок и отделана, кума заглянула в свою старую нору, взяла оттуда кое-что на память о прежнем житье и переехала на «Малиновый холм». Перед этим она, конечно, вернула леснику его наушники: незаметно подсунула их в сарай, откуда взяла. А про себя она решила, что при первой же возможности вернет своим новым друзьям также патефон и волшебный столик.

Прощание было очень трогательное. Лиса сердечно благодарила хозяйку за милое гостеприимство, а лесника — за то, что он никогда ее не обижал, даже в те времена, когда она была еще лесной лисой, а не лисицей-лесничим. Она приглашала всех в гости в свой новый дом. Веноушек только тогда перестал плакать, когда родители пообещали ему, что будут вместе с ним навещать куму как можно чаще. Лесник лично проводил ее до сторожки и по пути показал границы участка, который ей предстояло охранять. Лиса вновь обещала неукоснительно исполнять все предписания службы и в порыве служебного рвения выстрелила из хлопушки.

Вместе с кумой в новую сторожку переселился старый Матей, курьер Доланского охотничьего округа. За несколько дней знакомства он очень привязался к куме и не пожелал с ней расстаться. А должен вам сказать, милые дети, что старина Матей умел стряпать лучше всякой поварихи, и на новоселье он сготовил совершенно неописуемый обед — из припасов, доставленных по указанию старшего лесничего.

Кума была вполне довольна жизнью. Сторожка ей нравилась. Служба была не в тягость. Матей готовил домашние обеды, а лиса снабжала его табаком в неограниченном количестве, так что и он был доволен. Лесник Бржезина навещал ее почти

каждый день, всегда приводил с собою Веноушека, и они все вместе весело проводили вечера.

Однажды зашел на огонек и сам старший лесничий. Он осведомился, доволен ли новый сотрудник службой, нет ли у него каких-нибудь пожеланий. Пан Галапартна долго сидел на лавочке под большим буком и, вспоминая, как его гнали из лесу, оглушительно смеялся. Он обещал приходить почаще, потому что, по его мнению, с кумой-лисой было гораздо интереснее побеседовать, чем со старшими лесничими, начальниками управлений, управляющими конторами, заведующими и директорами. Он распорядился оказать лисе помощь в приобретении обстановки, патефона, радиоприемника...

Итак, кума добилась всего, о чем мечтала.

Единственное, чего ей еще хотелось, это чтобы ее увидели во всем блеске нового мундира и новой должности ее первые хозяева — лесничий Вобинушка, Руженка и Еник, а также оба лохматых недруга, Гектор и Султан.

Это желание лисы исполнилось даже раньше, чем она предполагала.

Недели через две после вступления в должность кума во время утреннего обхода встретила на лесной просеке двух детей. Она сразу узнала Еника и Руженку. Но они смотрели на нее с превеликим удивлением и никак не могли понять, кто перед ними. И кума от волнения не способна была произнести ни слова.

— Да это же наша лиса! — воскликнул наконец Еничек. — Но ее не узнать! Откуда она взяла этот прекрасный охотничий костюм, не хуже, чем у отца и других лесников?

— Погляди, погляди! У нее еще очки, ботинки и какое-то странное ружье. Она расхаживает по лесу, как по собственному дому! — шептала Руженка брату.

Потом они обратились к странному леснику с такими словами:

— Лисичка, а лисичка! Скажи нам, пожалуйста: это ты или не ты? И узнаешь ли ты нас?

Вы, наверное, помните, дети, что при Енике и Руженке лиса ни разу не говорила человеческим голосом. Поэтому, когда она им ответила по-человечьи, ребятишки от удивления и испуга едва не свалились на мягкий мох.

— Да, это я! И я вас узнала. Вы и представить себе не можете, как я рада вас видеть, Еник и Руженка! С того самого дня, когда я убежала от вас, не попрощавшись, я все время вспоминала о вас и мечтала снова с вами встретиться. Как видите, я уже теперь не просто лиса, а лиса-лесничий на службе в лесном управлении. Надеюсь, вы не откажетесь навестить меня в моем

доме?

Еник и Руженка молчали разинув рты и очнулись, лишь когда лиса взяла их за руки и повела к своей сторожке. Вскоре они освоились, разговорились и засыпали свою старую приятельницу бесчисленными вопросами.

Дома лиса с помощью Матя на славу угостила детей, а потом болтала с ними допоздна. Еник и Руженка рассказали, что дома у них все в порядке, все здоровы, все без изменений. Вот только собаки скоро будут новые: главное лесничество выделило для участка Вобинушки двух охотничьих псов какой-то новой породы, поэтому старых придется прогнать.

— Кто знает, что теперь будет с бедняжками,— горестно вздохнула Руженка.— Может быть, им придется на старости лет таскать тележку молочника или бродячего точильщика, и неизвестно, станет ли новый хозяин кормить их вволю. Бедные Гектор и Султан! Тяжело им расставаться с родным домом. И нам нелегко будет без них...

Еник добавил:

— Милые собачки, каково им будет жить в деревне или в городе? Ведь они выросли в лесу...

Дети опустили глаза и притихли. А кума обхватила голову лапками и стала усиленно думать. Потом она сказала детям, и голос у нее был веселый:

— Ну, вот что, милые мои! Я знаю, что делать: обоих псов я беру к себе на службу. Да, каких-то собак мне, как леснику, рано или поздно придется завести. А возиться со щенками, воспитывать их, несмышленных, не имеет смысла, если есть возможность получить двух матерых псов, которых я знаю и которые знают меня. Да, да! В воскресенье я к вам зайду, и мы с паном Вобинушкой решим это дело ко всеобщему благополучию. Если собаки будут у меня, вы не станете так по ним скучать, потому что всегда будете знать, где они. Жизнь у них будет отличная, и к тому же вы сможете часто их навещать, а заодно и меня.

Еник и Руженка были счастливы. Они без конца благодарили

куму, обнимали ее и все повторяли, что им не терпится дождаться воскресенья, когда их родители тоже смогут повидать куму-лису, подивиться на нее и порадоваться ее новому славному житью.

Проводив радостных детей, кума вернулась домой.

А в следующее воскресенье в старой сторожке «У пяти буков» царило великое волнение: лесник Вобинушка, его жена и дети принимали у себя нового лесника. Они уже знали, что их старая знакомая — лиса теперь говорит по-человечьи, но, когда кума предстала перед ними в полном блеске и учтиво поздоровалась, они онемели от изумления. Гектор и Султан глядели во все четыре глаза и никак не могли сообразить, следует ли им залаять или, наоборот, завилать хвостами. Зато дети встретили ее, как старую знакомую, и торжественно ввели в дом.

Прежде всего куму как следует угостили, а потом разговорам, речам, расспросам, рассказам не было конца. Вобинушка называл лису «коллегой» и был с ней весьма любезен. Он смеялся до упаду, когда услышал, как пан старший лесник удирал из собственного леса.

Воскресный день прошел превосходно. Никто не заметил, как спустилась ночь. И вот тогда-то, при прощании, кума-лиса заговорила о деле: не уступит ли пан Вобинушка своих старых псов?

Лесничий, конечно, очень обрадовался: ему тоже было жалко своих собак. Он сказал, что с удовольствием подарит псов своему коллеге, вот только согласятся ли они уйти из дому с незнакомым челове... гм, гм... с незнакомым лесником?

Кума-лиса взяла на себя труд убедить псов, что так для них будет лучше.

Она вышла с лесничим во двор, стала перед конурой и произнесла речь по-собачьи. Оба пса повесили головы и стыдливо опустили хвосты, когда кума объяснила им, кто она такая. Но еще больше они приуныли, когда узнали, что хозяин вынужден отдать их какому-нибудь бродячему точильщику ножей-ножниц. И, конечно, они приободрились, услышав, что кума любезно согласилась взять их к себе на службу.

С тяжелым сердцем прощались собаки со своим старым домом; потом они послушно побрели за своим новым хозяином. Разумеется, они предпочли остаться в лесу, чем влачить неизвестно какое существование, неизвестно где, у неизвестно какого господина. Следуя за лисой, они опасливо переглядывались: а не станет ли кума мстить им за прежние обиды?

Но эти страхи оказались напрасными. Кума видела, что они чистосердечно раскаиваются, признают ее превосходство с искренним собачьим восторгом и все приказания выполняют

с охотой. За это она кормила их вволю и старалась не очень гонять на работе. Ее отношения с собаками весьма упростились еще и потому, что она всегда могла по-собачьи объяснить им, чего хочет. А они, в свою очередь, могли выразить ей свои мысли и чувства не глазами, не хвостом, а словами — это удобнее. Старый Матей тоже вскоре подружился с Гектором и Султаном, и все четверо они отлично зажили в своей сторожке.

В свободное от службы время кума заводила патефон, включала радио или звонила по телефону Веноушеку и Енику с Руженкой. Ребятишки приходили к ней в гости, и тогда наша кума, забыв, что она чиновник лесного ведомства, начинала играть вместе с детьми и собаками. В сторожке звенел веселый смех, лай и тявканье. А тем временем Матей готовил что-нибудь вкусненькое.

Так протекала жизнь кумы-лисы. Спокойно, без тяжелых дум о завтрашнем дне и с сознанием, что благополучие ее заслуженное.

Пан старший лесник Галапартна, навещая ее время от времени, неизменно говорил, что службою ее вполне доволен, а вспоминая о своей первой встрече с кумой-лисой, он всегда хохотал до упаду.

ПРОДЕЛКИ ХИТРЫХ ЛИС ЛЮБИМЫЕ СКАЗКИ КУМЫ-ЛИСЫ

ЛИСА-КАТОЛИЧКА

Белорусская сказка

Шла себе Лиса и нашла в западне жареное мясо. Догадалась, что это ее хотят поймать, и не тронула мяса. Пошла дальше, а навстречу ей Медведь. «Куманек-голубок, кушал ли ты сегодня?» — «Нет, кумушка-голубушка, — отвечает Медведь, — не пришлось». — «Ну, пойдем, я сведу тебя в одно место — славный завтрак будет! Сама бы съела, да середя сегодня, мне нельзя: я католичка». — «Спасибо, кумушка-голубушка, пойдем!»

Вот Лиса и привела Медведя к западне. Только он дотронулся до мяса — западня захлопнулась и подняла его кверху.

Лиса тогда схватила мясо и давай есть.

Медведь ей говорит: «Кумушка-голубушка, сегодня же середя!» — «Э, куманек-голубок, пусть тот середит, кто вверх глядит».

ЛИСА-КУПЕЦ

Чукотская сказка

Однажды зимой, когда холодные ветры кружатся по тундре и ни один зверь не оставляет за собой следа, голодная Лиса сказала своей сестре: «Мы умрем с голоду со своими детьми, если ничего не придумаем».

Одна переделалась русским купцом, другая — переводчиком, и вечером приехали в стойбище.

Там их встретили хорошо, накормили мясом, напоили чаем, и Лиса-купец сказала: «Пыр-пор-пур-р!» Другая перевела: «Купец дает вам один мешок сахара за одного оленя». — «О, очень много, очень хорошо!» — сказали чукчи и дали «купцу» большого жирного оленя.

Когда все в стойбище заснуло, «купец» и «переводчик» захватили оленя и уехали поскорее домой. Утром чукчи хватились гостей — их и след простыл, а когда развязали мешок, то вместо сахара нашли в мешке снег.

ЛИСИЧКА-СЕСТРИЧКА И ВОЛК

Русская сказка

Жили себе дед да баба. Дед говорит бабе:

— Ты, баба, пеки пироги, а я поеду за рыбой.

Наловил рыбы и везет домой целый воз. Вот едет он и видит: лисичка свернулась калачиком и лежит на дороге.

Дед слез с воза, подошел к лисичке, а она не ворохнется, лежит себе, как мертвая.

— Вот будет подарок жене,— сказал дед, взял лисичку и положил на воз, а сам пошел впереди.

А лисичка улучила время и стала выбрасывать полегоньку из воза все по рыбке да по рыбке, все по рыбке да по рыбке. Повыбросала всю рыбу и сама ушла.

— Ну, старуха,— говорит дед,— какой воротник привез я тебе на шубу.

— Где?

— Там, на возу,— и рыба и воротник.

Подошла баба к возу: ни воротника, ни рыбы, и начала ругать мужа:

— Ах ты!.. Такой-сякой! Ты еще вздумал обманывать!

Тут дед смекнул, что лисичка-то была не мертвая; погоревал, погоревал, да делать-то нечего.

А лисичка собрала всю разбросанную по дороге рыбу в кучку, села и ест себе. Навстречу ей идет волк:

— Здравствуй, кумушка!

— Здравствуй, куманек!

— Дай мне рыбки!

— Налови сам, да и ешь.

— Я не умею.

— Эка, ведь я же наловила; ты, куманек, ступай на реку, опусти хвост в прорубь — рыба сама на хвост нацепляется, да смотри, сиди подольше, а то не наловишь.

Волк пошел на реку, опустил хвост в прорубь; дело-то было зимою. Уж он сидел, сидел, целую ночь просидел, хвост его и приморозило; попробовал было приподняться: не тут-то было.

«Эка, сколько рыбы привалило, и не вытащишь!» — думает он.

Смотрит, а бабы идут за водой и кричат, завидя серого: — Волк, волк! Бейте его! Бейте его!

Прибежали и начали колотить волка — кто коромыслом, кто ведром, чем кто попало. Волк прыгал, прыгал, оторвал себе хвост и пустился без оглядки бежать.

А лисичка-сестричка, покушавши рыбки, захотела попробовать, не удастся ли еще что-нибудь стянуть; забралась в одну избу, где бабы пекли блины, да попала головой в кадку с тестом, вымазалась и бежит. А волк ей навстречу:

— Так-то учить ты? Меня всего исколотили!

— Эх, куманек, — говорит лисичка-сестричка, — у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня больней твоего прибили! я насилу плетусь.

— И то правда, — говорит волк, — где тебе, кумушка, уж идти; садись на меня, я тебя доведу.

Лисичка села ему на спину, он ее и понес. Вот лисичка-сестричка сидит, да потихоньку и говорит:

— Битый небитого везет, битый небитого везет.

— Что ты, кумушка, говоришь?

— Я, куманек, говорю: битый битого везет.

ЗА ЛАПОТОК — КУРОЧКУ,

ЗА КУРОЧКУ — ГУСОЧКУ

Русская сказка —

Шла лиса по дорожке и нашла лапоток, пришла к мужику и просится:

— Хозяин, пусти меня ночевать.

Он говорит:

— Некуда, лисонька! Тесно!

— Да много ли нужно мне места! Я сама на лавку, а хвост под лавку.

Пустили ее ночевать; а она и говорит:

— Положите мой лапоток к вашим курочкам.

Положили, а лисонька ночью встала и забросила свой лапоть. Поутру встают, она и спрашивает свой лапоть, а хозяева говорят:

— Лисонька, ведь он пропал!

— Ну, отдайте мне за него курочку.

Взяла курочку, приходит в другой дом и просит, чтоб ее курочку посадили к хозяйским гуськам. Ночью лиса припрятала курочку и получила за нее утром гуська.

Приходит в новый дом, просится ночевать и говорит, чтоб ее гуська посадили к барашкам; опять схитрила, взяла за гуська барашка и пошла еще в один дом.

Осталась ночевать и просит посадить ее барашка к хозяйским бычкам. Ночью лисонька украла и барашка, а поутру требует, чтобы за него отдали ей бычка.

Всех — и курочку, и гуська, и барашка, и бычка — она пере-душила, мясо припрятала, а шкуру бычка набила соломой и поставила на дороге.

Идет медведь с волком, а лиса говорит:

— Подите, украдьте сани, да поедемте кататься.

Вот они украли и сани, и хомут, впрягли бычка, сели все в сани; лиса стала править и кричит:

— Шню, шню, бычок, соломенный бочок! Сани чужие, хомут не свой, погоняй — не стой!

Бычок нейдет.

Она выпрыгнула из саней и закричала:

— Оставайтесь, дураки! — а сама ушла.

Медведь с волком обрадовались добыче и ну рвать бычка: рвали, рвали, видят, что одна шкура да солома, покачали голо-вами и разошлись по домам.

ЛЕВ И ЛИСА

Курдская сказка

Жил в лесу Лев, он наводил страх на всех обитателей леса. Когда он выходил на охоту, становилось так тихо, будто в лесу никогда никто и не бывал. Первыми сообщали о приближении Льва птицы, и все звери удалялись подальше в глубь леса. Однажды, когда Лев отдыхал, к нему пришла Лиса. «О грозный шах и повелитель всех зверей, я пришла к тебе как сестра. Хочу служить тебе, быть тебе верным другом. Ты ведь один и уже немолод», — смиренно произнесла она. «Если ты говоришь правду, то я не съем тебя. Будешь служить мне и выполнять все мои желания», — прорычал Лев.

На следующий день, когда Лев отправился на охоту, с ним рядом смело шагала Лиса. Они миновали лес и подошли к обрыву. Вдруг Лиса остановилась и начала вздыхать. «Что ты вздыхаешь?» — спросил Лев. «Мой повелитель, два года тому назад я прислуживала твоему покойному отцу. Он был очень храбр. Видишь этот обрыв? Твой отец неоднократно прыгал с него в пропасть и всякий раз возвращался с богатой добычей, приносил диких коз. Сейчас возле обрыва я вспомнила о твоём отце. Вот почему я вздыхаю». — «И я храбр! — сказал Лев. — И я могу прыгнуть с этого обрыва и вернуться с богатой добычей».

Недолго думая, Лев разбежался и бросился с обрыва. Лиса была уверена, что Лев уже мертв, но решила убедиться. Она обошла обрыв и спустилась вниз к реке, протекавшей на дне пропасти. Полуживой Лев лежал среди камней. «Ты обманула меня, плутовка, а я, старый глупец, поверил тебе», — едва мог произнести Лев. «Лежи здесь и издыхай, зато в лесу теперь большой праздник. Нам больше некого бояться. Лес создан для всех зверей и птиц, а не для тебя одного, хоть ты и силен. Вот почему твоё место здесь, среди камней», — сказала Лиса умирающему Льву и быстро побежала в лес.

Содержание

Лесная сторожка «У пяти буков»	3
Новый дом	10
Неудачливый рыболов	12
Приключение с волшебным столиком	15
Проклятый патефон	21
Ура телефону!	27
Смелое письмо. Кума-лиса заключает пари	30
Опасная экспедиция в Ногавицы	35
Клад на шоссе	42
К куме-лисе приходит слава	46
Экзамен на лесничего	52
Как старший лесничий пан Д. Галапартна чуть не лопнул от смеха	57
Жизнь на «Малиновом холме»	62

Издание осуществляется при содействии Калужского обкома РСМ

Для младшего школьного возраста

Йозеф Лада

О ХИТРОЙ КУМЕ-ЛИСЕ

Зав. редакцией *Н. И. Лаврентьева*
Редактор *Н. В. Солнцева*
Технический редактор *Н. И. Кузнецова*

ЛР № 070272

Сдано в набор 30.03.92. Подписано в печать 30.04.92. Формат 70×100/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,0. Тираж 200 000 экз. Заказ 404 С 9

«Золотая аллея», 248601, Калуга, пл. Старый торг, 4

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат
Министерства печати и информации Российской Федерации
142300, г. Чехов Московской области

10
НОВАЯ ЦЕНА

37 р. 2

